

ВЕЛИКІЕ АКТЫ
18 ФЕВРАЛЯ 1905
ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ, ОСНОВЫ
ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
□ □ ГОСУДАРЕВА ДУМА □ □

Б • С •

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.
Вас. Остр., 16 линия, 5—7, с. л.
1905

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ВЫСОЧАЙШІЯ предначертанія, возвѣщенные 18 февраля сего 1905 г. тремя знаменательными актами выраженія Царской воли, говоря словами Высочайшаго Манифеста, имѣють цѣлю: *„обновленіе духовной жизни народа, упроченіе его благосостоянія и усовершенствованіе государственнаго порядка“*.

Правильное осуществленіе предначертаній Высочайшаго рескрипта 18 февраля Министру Внутреннихъ Дѣлъ несомнѣнно приведетъ Россію къ указаннымъ цѣлямъ, выведеніемъ ея на новый путь историческаго ея развитія въ духѣ народнаго творчества.

Правильное осуществленіе предначертаній рескрипта— вотъ задача, надъ которой должно потрудиться правительство и всѣ тѣ, кому дорого благоденствіе родины.

Внесемъ и нашу лепту вдовицы въ общую работу. Внесемъ ее съ той же скромностью вдовицы и съ тѣмъ же сознаниемъ, что наша работа въ общемъ трудѣ есть только маленькая лепта.

Предлагая вниманію читателя нашъ планъ и основанія организаціи выборовъ въ центральное законосовѣщательное учрежденіе и построеніе этого учрежденія, мы далеки отъ мысли, или точнѣе отъ самообольщенія предлагать что-либо совершенное или привлечь симпатіи и сочувствіе всѣхъ тѣхъ, кто ознакомится съ нашими предположеніями. Недовольны будутъ нами всѣ тѣ, кто стоитъ за эгалитарность, за социальную нивелировку людей, всѣ тѣ, кто полагаетъ, что политическій смыслъ и разумнѣіе могутъ подлежать нивели-

ровкѣ и что индивидуальныя свойства, достоинства людей, зависящія отъ воспитанія, степени умственнаго развитія, образованія, имущественной и личной независимости, т. е. отъ всего, что опредѣляетъ удѣльный вѣсъ человѣка въ обществѣ, что дѣлаетъ его пригоднымъ для государственной дѣятельности, также могутъ подлежать нивелировкѣ. По идеѣ нивелировки, пригодность человѣка къ общественной и государственной дѣятельности опредѣляется только рожденіемъ и достиженіемъ извѣстнаго возраста. Родился, достигъ ценовыхъ лѣтъ, въ опеку за слабоуміе не взять, ну значитъ и можетъ избирать государственныхъ дѣятелей и быть избраннымъ въ таковыя, совершенно безразлично будетъ ли на плечахъ голова Д. П. Менделѣева, или идиота, около паперти церковей сосущаго рукавъ. Очевидно сторонники такой теоріи, выражающейся въ всеобщей, прямой, тайной подачѣ голосовъ, къ нашимъ мнѣніямъ не примкнутъ. Не примкнутъ и фанатики мелкой земской единицы, полагающіе, что выборное представительство, построенное на этой эфемеридѣ, хотя бы въ отвлеченномъ построеніи можетъ привести къ укрѣпленію Самодержавія, а не къ его упраздненію, не довольны будутъ и западники-конституціоналисты.

Будутъ ли удовлетворены и примкнутъ ли къ намъ сторонники исторической эволюціи въ государственномъ строительствѣ, сторонники Самодержавія на основѣ единенія Царя съ народомъ, чрезъ его выборныхъ, для утвержденія и укрѣпленія этого Самодержавія на благо Россіи?— не знаемъ.

Работали мы не для того, чтобы кому-нибудь понравиться, чтобы приспособиться къ чьему-либо вкусу, чтобы кого-либо удовлетворять.

Цѣль наша совершенно иная. Задача наша опредѣленна: попытаться по нашему разумѣнію спроектировать такое осуществленіе новаго государственнаго построенія, которое, устраняя опасности государственно-общественному строю, въ то-же время представляло собою необходимыя гарантіи жизненности для предстоящихъ созидательныхъ и возродительныхъ работъ.

Мы обсуждали и взвѣшивали всѣ элементы, могущіе служить дѣлу; все, не отвѣчающее цѣли, отъ нея отдаляющее, какъ бесполезное и даже вредное, мы отстранили отъ нашихъ построеній, какъ архитекторъ, бракующій строительный матеріалъ, чтобы изъ него построенное зданіе не завалилось.

Мы проштудировали планы и фасады зданій, предложенные упредившими насъ строителями, убѣдились въ несо-

отвѣтствіи ихъ стоящей задачѣ и только послѣ этого, оставшись съ пригоднымъ для постройки матеріаломъ, мы стали проектировать изъ него зданіе, по мнѣнію нашему отвѣчающее своему назначенію.

Тѣмъ въ своей книгѣ „Histoire de la France Contemporaine“, трактую о французской революціи, между прочимъ говоритъ: dix million d'ignorances ne font pas un savoir. Un peuple consulté peut à la rigueur dire la forme de gouvernement qui lui plaît, mais non celle dont il a besoin; il ne le saura qu'à l'usage.

Такъ и мы можетъ быть даемъ не то, что нужно, но то, что мы даемъ, мы къ нему пришли не по вкусу и симпатіямъ, а послѣ глубокаго продумыванія и обмѣна мнѣній и теперь съ сознаниемъ отвѣтственности за сказанное говоримъ, что намъ нужно Самодержавіе Русскаго Царя и не по вкусу только или симпатіямъ нашимъ, а по исторической логикѣ вещей, по незамѣнимости его другою формою правленія, болѣе совершенною, которую мы нигдѣ не усматриваемъ; наконецъ, на основаніи его соответствія міросозерцанію подавляющаго большинства населенія, которое имъ не уступится, которое безпрепятственно и безболѣзненно его никому не уступитъ. Вотъ почему мы съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаемъ, что осуществить задачу укрѣпленія, усовершенствованія и оживленія Самодержавія, обновленія духовной жизни народа, упроченія его благосостоянія и усовершенствованія государственнаго порядка можно только тѣми способами и путями, которые мы намѣтили.

Б. С.

I.

ВЛАСТНЫЕ и не властные верхніе слои наши обычно при сужденіяхъ о вопросахъ государственно-общественной жизни заглядываютъ въ з.-европейскую литературу, поэтому и намъ вполне извинительно сдѣлать маленькую экскурсію въ эту же область. Позаимствуемъ отсюда коротенькую выдержку, принадлежащую перу французскаго писателя XVIII вѣка Жанъ-Жака Руссо. Въ своемъ знаменитомъ произведеніи „Du contrat social“ главу „о народѣ“ онъ заканчиваетъ слѣдующими небезынтересными для насъ сужденіями.

„Молодость не есть дѣтство. Для націй какъ и для людей бываютъ періоды молодости или зрѣлости, которыхъ нужно дожидаться, прежде чѣмъ ихъ подчинять законамъ; зрѣлость народа однако не легко опредѣлить; и если ее упредить, то дѣло погибло. Одни народы поддаются воздѣйствію законовъ при рожденіи, для другихъ недостаточно и десятка вѣковъ. Русскіе никогда не будутъ дѣйствительно цивилизованными, потому что они слишкомъ рано приобщились въ цивилизаціи. Петръ I имѣлъ геній подражательности, но не былъ настоящимъ геніемъ, который творитъ изъ ничего. Многое изъ имъ совершеннаго было прекрасно, но большая часть была преждевременна. Онъ видѣлъ, что его народъ дикъ, но не замѣтилъ,

что онъ былъ еще недостаточно зрѣлъ для воспріятія цивилизаціи. Онъ пожелалъ его цивилизовать, тогда какъ онъ нуждался только въ развитіи его военныхъ способностей. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своего народа англичанъ, нѣмцевъ, тогда какъ нужно было начать съ того, что сдѣлать его Русскимъ. Онъ помѣшалъ своимъ подданнымъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ они могли бы сдѣлаться, увѣривъ ихъ, что они—то, чѣмъ они въ дѣйствительности не были. Такъ поступаютъ французскіе учителя, формируя изъ своихъ воспитанниковъ блестящихъ юношей, позже, съ годами превращающихся въ ничто...“

Наблюдая со стороны и относясь къ дѣлу вполне объективно, распознавательный умъ Руссо проникъ и оцѣнилъ сущность всего происшедшаго и происходившаго тогда въ Россіи. Какъ сторонній наблюдатель, онъ далъ вполне объективное объясненіе значенію и ходу событій, находящее себѣ подтвержденіе во всѣхъ послѣдующихъ явленіяхъ государственно-общественной жизни всего Петровскаго періода вплоть до нашихъ дней.

Преждевременное внезапное привитіе европеизма, на его родинѣ являющагося результатомъ естественной эволюціи многовѣковой жизни западныхъ народовъ, образовало у насъ пропасть, раздѣляющую численно ничтожный слой оевропеившагося меньшинства отъ всей громады остального населенія. Отсюда возможность такихъ уродливыхъ явленій, какъ нервное возгласеніе европействующимъ меньшинствомъ „долой самодержавіе“, дайте „конституцію“, а акордомъ выше выкрикиваніе „да здравствуетъ республика, да здравствуетъ коммуна“, а рядомъ съ этимъ грозное въ своемъ спокойствіи, но твердое вѣрованіе остального подавляющаго большинства населенія въ спасительную незыблемость самодержавія русскаго царя.

Или же другой примѣръ: крикъ ничтожнаго на поверхности плавающаго интернаціональнаго меньшинства „миръ съ Японіей, скорѣе и во чтобы то ни стало“, а вся остальная океаническая глубь населенія въ сознаніи своей силы спокойно,

твердо вѣщающая: „борьба до изнеможенія, до послѣдней капли крови или до побѣды надъ врагомъ“.

Но это только наиболѣе выпуклые примѣры раздвоенія и антагонизма въ жизни страны. Вникая въ существо явленій болѣе мелкихъ, вездѣ, во всемъ, увидимъ то же самое. Болѣющая тяжело хозяйственно-экономическимъ недугомъ громада населенія чуждается и ждетъ мѣропріятій въ этой области, а обевропеившіеся слои отчужденныхъ отъ этой громады интеллигентовъ, журналистовъ и бюрократовъ обсуждаютъ всякія соціально-политическія лѣкарства и прежде всего требуютъ себѣ всякихъ свободъ по шаблонамъ западной Европы. Въ этой взаимной отчужденности руководителей и руководимыхъ, во взаимномъ непониманіи другъ друга, причины очень многихъ, если не всѣхъ, золь, нами переживаемыхъ.

Петръ I, побывавъ въ Европѣ, увлекся незнакомыми ему прелестями европеизма, и задался мыслью пересадить его въ Россію, совершенно безъотносительно къ степени гѣтовности тогдашней Московской Руси къ воспріятію чуждыхъ ей началъ безъ утраты народнаго облика. Поставивъ себѣ задачу превратить Россію въ Европу, онъ для этой цѣли повнезъ разныхъ голландцевъ, англичанъ, нѣмцевъ, которые чрезъ свое вліяніе на Царя стали вліять и на Россію, которую они стремились передѣлать на свой образецъ. Не стало Царя, перемерли наѣзжіе иноземцы, но духъ ихъ, къ сожалѣнію, въ теченіе всего петербургскаго періода продолжалъ царить въ правящихъ кругахъ и при послѣдующихъ государяхъ, считавшихъ своею миссіею продолженіе подражательной политики Петра, имѣвшей оправданіе при немъ, но не въ послѣдующее время. Европеизмъ проникъ всѣ сокровеннѣйшіе изгибы человѣческаго духа нашей бюрократіи, въ которой каждый даже мелкій чиновникъ въ своей дѣятельности считалъ себя маленькимъ Петромъ-насадителемъ европеизма.

Черпаніе государственной мудрости не изъ глубинъ народной жизни, а изъ подражанія запад. Европѣ логически

приводило къ отрицанію всего русскаго, національнаго и потому естественно приводило къ взаимному отчужденію Царей съ народомъ и въ то же время ко взаимному сближенію Государей съ окружающими ихъ иноземцами, а позже и съ подражавшимъ имъ бюрократическимъ міромъ, прѣдсавители коего становились тѣмъ болѣе близкими къ Царямъ, чѣмъ болѣе они походили на иноземцевъ, т.-е. чѣмъ менѣе они были русскими.

Начавшееся съ Петра I разъединеніе Царя съ народомъ въ конечномъ своемъ развитіи вылилось въ полное разобщеніе верховной власти съ страной, между которыми стали высоко-мѣрная западничающая, отчужденная отъ народа, но близкая къ верховной власти бюрократія, вступавшая въ ежедневное близкое общеніе съ этой властью, привыкшей въ ней видѣть необходимое условіе своего бытія.

Единеніе верховной власти съ народомъ, необходимое для распознаванія народныхъ нуждъ и желаній, а также способвъ ихъ удовлетворенія, стало совершенно ненужнымъ, когда всѣ государственныя построенія стали дѣлаться на началѣ сопоставленія русскаго съ европейскимъ. Эта система подражанія Западу въ послѣднемъ своемъ развитіи нашла себѣ выраженіе въ требованіи, предъявляемомъ западниками, замѣнить наше русское, исторически сложившееся самодержавіе, западною конституціею. Западники не говорятъ объ усовершенствованіи самодержавія, а оставаясь вѣрными принципу уничтоженія всего русскаго, требуютъ послѣдняго слова европезма—конституцію, а то и республику.

Такимъ отношеніемъ ко всему русскому, безцеремоннымъ сметеніемъ этого русскаго переполнена вся двухвѣковая исторія Русскаго государства. Изъ всѣхъ госуд. актовъ только одинъ, правда важнѣйшій—положеніе 19 февраля 1861 года обосновано на чисто русскихъ народныхъ началахъ и выработано въ главныхъ архитектурныхъ линіяхъ русскими людьми не бюрократами, а по волѣ императора Александра II отъ земли призванными. Съ тѣхъ поръ западничающая интел-

лигенція и бюрократія всячески тщится исковеркать на западный ладъ этотъ пока наиболѣе русскій и устойчивый законъ. Удастся ли это имъ, не знаемъ, но если удастся провести свои антинациональныя вождельнїя до созыва выборнаго собранїя, то почти полстолѣтія просуществовавшая твердыня будетъ подкопана и разрушена.

Близость бюрократіи къ Царю и отчужденіе ея отъ населенїя породили своевластіе бюрократіи и ея высокомерное презрительное отношеніе ко всему остальному населенію: культуртрегерствъ къ просвѣщаемой ими невѣжественной Россіи. Болѣе полному воздѣйствію европеизма конечно первѣе всего поддались учебныя заведенїя, созданныя по западнымъ образцамъ для пополненїя бюрократіи и въ началѣ даже съ учителями иностранцами. Неужаженіе, если не прямое презрѣніе ко всему русскому, было естественной основой преподавательской дѣятельности чужеземцевъ. Само государство требовало со времени Петра превращенїя русскаго юноши въ европейскаго взрослого чиновника. Культъ подражанїя Западу, прививаемый сперва бюрократіи, естественно не могъ не сдѣлаться идеаломъ верхнихъ образованныхъ слоевъ и журналистики. Въ теченіе свыше двухвѣкового петербургскаго періода не одна только бюрократія, но и эти верхніе слои, по мѣткому выраженію И. С. Аксакова, превратившіеся „въ иностранцевъ вообще“, „мнятъ себя руководителями, цивилизаторами, направляющими народную жизнь“.

Вся эта трехчленная семья западниковъ отщепилась отъ всей остальной громады населенїя и стала ему чуждой. Борьба, часто происходившая между членами этой семьи, была въ сущности rivalité du metié. Они воевали и спорили между собой только о роляхъ, о значенїи, о способахъ дѣйствїя, но не о существѣ; ибо у всѣхъ ихъ культъ одинъ—запад. Европа. Всѣ они одинаково стремились сдѣлать изъ Россіи Европу, тогда какъ нужно прежде всего Россію дѣлать русской. Яркимъ примѣромъ этого былъ союзъ бюрократіи, европействующей

прессы и петербургской интеллигенціи противъ славянофильскаго направленія, стремившагося Россію и бюрократію сдѣлать русской. Въ этой ненависти къ національному направленію, преданному историческимъ началамъ, рѣзко выразилось кровное родство нападавшихъ. Имъ всѣмъ одинаково былъ ненавистенъ тотъ русскій духъ, который еще полвѣка назадъ стремился къ тому, что нынѣ создается Высоч. рескриптомъ 18 февраля.

Бюрократія терпѣла и прощала либеральныя западническія вождедѣнія родственной прессы, но всячески давила и вытравила малѣйшія проявленія хотя бы и преданныхъ самодержавію, но чисто русскихъ, національныхъ, исторически вѣрныхъ началъ. Въ нѣсколькихъ строкахъ о Россіи Ж. Ж. Руссо высказываетъ несомнѣнно основательное осужденіе обращенію русскихъ въ иностранцевъ, вмѣсто укрѣпленія въ молодомъ народѣ національнаго самосознанія. Каждому запад. европейцу совершенно чуждо даже понятіе о возможности подавленія національныхъ началъ или о замѣнѣ ихъ чужими; поэтому-то политику подражанія въ отношеніи молодого народа, ведущую къ утратѣ національнаго облика, Руссо признаетъ опасной и вредной, вслѣдствіи чего Россія, по его мнѣнію, „никогда не сдѣлается истинно цивилизованной страной, не будетъ тѣмъ, чѣмъ она должна быть“, но конечно пока она не выступитъ на путь національнаго самоопредѣленія. На Западѣ бюрократія, пресса и интеллигенція прежде всего національны, онѣ черпаютъ свои мысли изъ глубины народной жизни, и служатъ отраженіемъ этой жизни, тогда какъ у насъ, слишкомъ два вѣка, онѣ отшатнулись, оторвались отъ жизни, и не въ ней и не изъ нея черпаютъ свою мудрость, а ищутъ и обрѣтаютъ ее внѣ родины, на чуждомъ и всегда во всемъ враждебномъ намъ Западѣ.

Занимая господствующее положеніе, отчужденная отъ остальнаго населенія, наша интеллигенція, вмѣщающая въ себя бюрократію, прессу и всѣ образованные оторвавшіеся отъ почвы слои, два вѣка руководятъ жизнью отчужденнаго отъ нея сто-милліоннаго населенія. И вотъ нынѣ, передъ нами итогъ ру-

ководительства этой трехчленной семьи, изъ коей два послѣднихъ члена нынѣ обвиняютъ перваго въ недоведеніи развитія европеизма до конца—до конституціи или даже республики, за что грозятъ всей Россіи революціей.

Высоч. рескриптъ 18 февраля на имя министра вн. дѣлъ, какъ и слѣдовало ожидать, европеистовъ не удовлетворилъ. Имъ нужна конституція западнаго образца съ ограниченіемъ Монарха и съ замѣной его самодержавной воли волею, точнѣе деспотизмомъ, парламентскаго большинства, того большинства, которое на западѣ дерется въ палатахъ, а внѣ оныхъ продаетъ свои голоса, того большинства, которое для проведенія и осуществленія своихъ похотей, вождельній не останавливается ни предъ какими ни нравственными, ни даже физическими насиліями. Къ какимъ бы однако мѣрамъ пропаганды и насилія наши европеисты не прибѣгали, послѣдняго слова этому европеизму у насъ сказать не удастся. Свыше стомилліонная громада населенія могла еще терпѣливо и смиренно выжидать, пока европейничаніе, ломаніе Россіи на западный образецъ не приводило къ событіямъ послѣдняго полугодія. Теперь же не мало уже грозныхъ признаковъ изсякновенія народнаго терпѣнія и выносливости. Рескриптъ—это вѣдь не уступка западникамъ, а призывъ къ историческимъ народнымъ началамъ, поправнымъ подражаніемъ Европѣ.

Жизнь какъ отдѣльныхъ людей, такъ равно народовъ и государствъ весьма часто опредѣляетъ явленіе и даетъ ему не то значеніе, какое люди, его вызывавшіе, его создавшіе, думали ему дать. Рескриптъ 18 февраля въ исторіи нашего государства будетъ имѣть гораздо болѣе глубокое и широкое значеніе, чѣмъ ему пока придаютъ трактующіе его только съ точки зрѣнія приближенія къ западнымъ формамъ или же оживленія нашего бюрократическаго аппарата. Не въ этомъ только дѣло. 19 февраля 1861 года былъ днемъ конца крѣпостнаго періода, а 18 февраля 1905 года—день конца петербургскаго періода, начавшагося Полтавскою викторією и закончившагося боями на соп-

кахъ Манчжуріи, стрѣльбой и грабежами на улицахъ Петербурга, общею смутою умовъ, расшатанностью всего правительственнаго аппарата, потрясеніемъ страны во всѣхъ ея основахъ и растерянностью бюрократіи предъ всѣмъ совершающимся. Таковъ конечный итогъ господства надъ Россіей трехчленной семьи европейцевъ.

Государственная жизнь народа опредѣляется и нормируется законами страны; до нынѣшняго общаго погрома опредѣленіе этой директивы жизни народа и поднесеніе ея на благовоззрѣніе Монарховъ петербургскаго періода принадлежало все той же трехчленной семьѣ, сыгравшей незначительную роль лишь при выработкѣ положенія 19 февраля 1861 г., наиболее устойчиваго и жизненнаго законодательнаго акта. Съ 18-го февраля опредѣленіе и выработка этой директивы, съ осуществленіемъ Высоч. предначертаній, перейдетъ къ выборнымъ, излюбленнымъ людямъ того самаго населенія, которое до сихъ поръ имѣло значеніе лишь глины, изъ которой по своему вкусу выминали разныя фигуры наши доморощенные европейцы. Государственное построеніе осуществленіемъ рескрипта не измѣнится, самодержавный царь сохранить за собой всѣ священные атрибуты власти, его предкамъ дарованные Божьею Милостью, а также избраніемъ и волею народа—нашихъ предковъ, навсегда отказавшихся въ пользу Самодержца отъ народовластія, но существо дѣла кореннымъ образомъ измѣнится. Съ осуществленіемъ предначертаній 18 февраля совѣтниками государя будутъ уже не отчужденные отъ громады населенія европейцы, а русскіе люди, общественнымъ довѣріемъ населенія облеченные. Бюрократія останется и количественно и качественно та же самая, но одухотворяться она будетъ не подражаніемъ Европѣ, а для нея будетъ другой императивный одухотворитель—русская мысль, русскихъ выборныхъ, русскими же людьми—блюстителями русской народной индивидуальности—самобытности избранными.

Въ истекшее столѣтіе Россія, казалось, не разъ была нака-

нунѣ возрожденія, не разъ подражательно бюрократическое безпросвѣтье было накануне національной зари, но скоро небо опять заволакивалось бюрократическими тучами съ запада. Екатерининская комиссія уже практически осуществляла реформаторскія начинанія Великой императрицы, но по неисповѣдимымъ судьбамъ дѣло не было доведено до желательнаго конца; та же печальная участь быстрой кончины постигла и начинанія, выливавшіяся изъ мыслительнаго аппарата гр. Сперанскаго. Позже на мысли о призывѣ въ составъ правительства выборныхъ отъ населенія два раза останавливался Императоръ Александръ II—при двадцатипятилѣтнемъ юбилеѣ своего царствованія и за нѣсколько дней до своей мученической кончины; останавливался на мысли о созывѣ земскаго собора и Царь-миротворецъ Александръ III. Будемъ надѣяться, что нынѣ начинанія Императора осуществятся.

Съ созывомъ выборныхъ отъ населенія бюрократическое правительство и Россія несомнѣнно выступятъ на путь національнаго возрожденія. Но доживемъ ли мы или когда доживемъ до того, чтобы другіе два члена семьи, пресса и отчужденная отъ громады населенія интеллигенція отказались отъ своихъ интернациональныхъ вождедѣній и перестали быть „иностранцами вообще“ и сдѣлались русскими?

II.

18 февраля 1905 года волею Государя положенъ конецъ господству западничествующей бюрократіи, два вѣка благодѣтельствовавшей Россію по рецептамъ Западной Европы.

Величіе предначертаннаго рескриптомъ преобразованія нашего правящаго бюрократическаго аппарата не можетъ не тревожить всѣхъ истинно русскихъ людей, при мысли о томъ, какъ совершится это давно желанное единеніе Царя съ народомъ черезъ выбранныхъ имъ лучшихъ людей. Правильное осуществленіе принесетъ Царю и его народу то благо, которое отъ

него ожидается; обратно, невѣрное, ошибочное осуществленіе сдѣлается источникомъ неисчислимыхъ бѣдъ. Все зависитъ отъ того, будутъ ли положены въ основу новаго построенія исконно русскія народныя начала или же политика подражанія Западу найдетъ себѣ мѣсто и въ этомъ дѣлѣ.

Одновременное обнародованіе 18 февраля 1905 года трехъ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ и взаимная ихъ связь даетъ полную возможность избѣгнуть опасной ошибки, если не дѣлать ее сознательно. Высочайшій Указъ 18 февраля прав. сенату съ неотразимой опредѣленностью свидѣтельствуетъ о желаніи и волѣ Государя непосредственно познать стремленія, желанія, потребности и упованія его народа, выраженные и обращенныя непосредственно же къ Царю. Самая форма общенія народа съ Царемъ приближаетъ насъ къ давно желанному единенію. Необходимость и царское желаніе этого единенія еще опредѣленнѣе выражены въ Высоч. рескриптѣ призывомъ *„къ совмѣстной съ правительствомъ работѣ зрѣлыхъ силъ общественныхъ, избранныхъ отъ населенія для участія въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предложеній“*.

Слишкомъ распространительное и невѣрное толкованіе этого призыва устраняется указаніемъ на необходимость *„сохраненія неразрывности крѣпкой исторической связи съ прошлымъ, какъ залога прочности и устойчивости преобразованій въ будущемъ“*.

Еще опредѣленнѣе и тверже устраняются всякія ошибочныя толкованія Высоч. манифѣстомъ отъ того же числа, въ которомъ государь, упоминая о своихъ *„предначертаніяхъ направленныхъ къ обновленію духовной жизни народа, упроченію его благосостоянія и усовершенствованію государственнаго порядка“*, въ то же время въ осуществленіи сего усматриваетъ могучія средства *„къ вѣщему укрѣпленію истиннаго самодержавія на благо всѣмъ вѣрноподаннымъ“*. Эта столь торжественно выраженная царская воля осуществитъ возвѣщенные преобразованія для *„вѣщаго укрѣпленія истиннаго самодержавія“*

устраняетъ всякую мысль о подражаніи Западу при организаціи собранія выборныхъ. Съ этимъ вмѣстѣ отпадаетъ конечно и мысль о раздѣленіи царской власти съ выборными людьми, устраняется и мысль о народовластіи, о какихъ-либо новыхъ правахъ, народу даруемыхъ. „Совмѣстная съ правительствомъ работа „людей выборныхъ“ для обсужденія законодательныхъ предположеній“ обращается этими заключительными словами Манифеста въ *государеву службу*, въ народную повинность для отбыванія этой службы. Не политическія права или вольности предначерталъ Царь своему народу, а тягостную, отвѣтственную обязанность освѣщать пути Царскіе по управленію, возлагаетъ Государь на выборныхъ отъ народа, для укрѣпленія истиннаго Самодержавія.

Таковы главныя основы возвѣщенныхъ царскихъ предначертаній и эти то основы и должны найти себѣ выраженіе во всѣхъ построеніяхъ, относящихся до осуществленія Высоч. предначертаній, предуказанныхъ въ рескриптѣ. Въ этихъ построеніяхъ нужно дѣлать все, что прямо поведетъ къ поставленнымъ цѣлямъ; равно необходимо отстранять все, что можетъ способствовать отдаленію отъ основныхъ цѣлей.

Не для раздѣленія, а для укрѣпленія недѣлимой самодержавной власти, не для управленія Россіей, а для облегченія самодержцу править Россіей на благо и счастье народа призываются „зрѣлыя общественныя силы“. Вотъ въ чемъ задача и отвѣтственная обязанность народа и избираемыхъ имъ выборныхъ.

Естественно возникаетъ вопросъ, что же такое въ смыслѣ политическаго самосознанія представляетъ собой этотъ народъ, нынѣ призываемый къ освѣщенію путей царскихъ, въ какой степени его политическія мировоззрѣнія могутъ обезпечивать благотворное выполненіе царскихъ предначертаній, а также въ какой степени эти мысли царскія относительно государственнаго устройства совпадаютъ съ мыслями народными.

Двухвѣковое подражаніе Западу создало пропасть, раздѣ-

ляющую населеніе на два совершенно обособленные міра. На верху тонкій, неглубокій слой европеившихся людей со взаимно несходственными политическими идеалами, а подъ нимъ глубокой слой, не менѣе какъ въ 95% всего населенія, не утратившій историческую связь съ прошлымъ—крестьянства и людей иныхъ близкихъ къ нему общественныхъ группъ; политическое сознаніе всей этой громады населенія признаетъ только Самодержавнаго Царя, вѣритъ и довѣряетъ только этому Верховному, Богомъ установленному началу государственнаго устройства.

Верхній же образованный слой въ смыслѣ политическаго сознанія дѣлится на двѣ основныя партіи: западниковъ и націоналистовъ. Западники въ свою очередь подраздѣляются, говоря западно-европейскимъ языкомъ, на двѣ фракціи—умѣренныхъ и крайнихъ. Западники идеализируютъ западно-европейскій конституціонный строй съ верховенствомъ большинства собранія или палаты представителей. Въ ихъ представленіи монархъ въ дѣйствіяхъ своихъ ограничивается волею большинства выбранныхъ представителей. Раболѣпіе этой фракціи передъ Западомъ такъ беспредѣльно, что они не могутъ заставить свои мысли поработать надъ исканіемъ иныхъ, чѣмъ западныя, формъ государственнаго устройства, несмотря на то, что передъ ихъ глазами палачничество Стамбулова, насилія надъ совѣстью Комба и другихъ французскихъ министровъ, взяточничество бюрократіи С.-Американскихъ Штатовъ, вырожденіе англійской палаты общинъ, драки въ австрійскихъ и венгерскихъ палатахъ, насильничаящихъ славянство и т. д. Тиранія парламентскаго большинства надъ меньшинствомъ и населеніемъ, граничащая съ азіатскимъ абсолютизмомъ, ихъ не смущаетъ. Ослѣпленные погоней за западничествомъ, они не понимаютъ и не видятъ, что идеализируемая ими форма государственнаго устройства не будетъ признана девяностопятипроцентною громадою русскихъ людей, которые не потерпятъ закрѣпощенія ихъ тираніею парламентскаго большинства.

Другая — крайняя фракція западниковъ, представляющая наибольшую опасность государству своею революціонною агитаціей и прямыми преступленіями, отличается всѣми свойствами политическихъ фанатиковъ, стремящихся всѣми доступными человѣчеству способами осуществить свои политическія утопіи. Признавая существующіи государственно-общественный строй не отвѣчающимъ ихъ утопическимъ идеаламъ, они стремятся къ его ниспроверженію и замѣнѣ его социальнo-демократической республикой, а то и коммуною.

Допуская всѣ способы дѣйствія, они стремятся Высочайшій рескриптъ 18 февраля осуществить такимъ способомъ, чтобы онъ всего болѣе приблизилъ ихъ къ осуществленію ихъ идеаловъ. Хорошо понимая, что ограниченіе самодержавія немедленно вызоветъ народное движеніе противъ правящихъ слоевъ, они стремятся къ созданію именно такого собранія выборныхъ, при которомъ обращеніе его въ учредительное собраніе съ провозглашеніемъ ограниченія самодержавія, а то и республики, а затѣмъ и народное движеніе стало неизбѣжно. Затѣмъ, конечно, воспроизведеніе французской революціи XVIII вѣка во всей ея полнотѣ. Средствомъ для сего избирательная система: всеобщая безъ различія національностей и вѣроисповѣданій, для всѣхъ равная, прямая и тайная подача голосовъ съ самой широкой выборной агитаціей. Явными и тайными руководителями этой группы являются конечно евреи, за которыми идутъ ослѣпленные ими русскіе малоумки.

Въ отношеніи этой избирательной системы слѣдуетъ замѣтить, что когда ее рекомендуютъ западники крайней фракціи — революціонеры, то это конечно никого не удивляетъ; но вполне удивительно, что ту же систему рекомендуютъ конституціоналисты, не понимая всей ея опасности для государственнаго бытія Россіи. Для политическихъ авантюристовъ крайняго правленія это извинительно, для нихъ все допустимо, въ отношеніи же умѣренныхъ западниковъ нельзя не сказать, что извинительно могутъ быть политическія увлеченія и даже за-

блужденія, но вполнѣ не извинительна политическая недобросовѣстность. А какъ иначе назвать избирательную ихъ формулу, *тождественную съ партией крайнихъ*. Они не могутъ не знать, что на Западѣ же наиболѣе серьезные и объективные изслѣдователи избирательныхъ системъ такую избирательную демократическую платформу трактуютъ, какъ систему „широкой возможности эксплуатировать политическое невѣжество народныхъ массъ, во вредъ народному благосостоянію. Только въ странахъ вполнѣ основанныхъ съ самоуправленіемъ, по свидѣтельству профессора С. Латышева, всеобщая подача голосовъ приносить всю ту пользу, которую отъ нея можно ожидать“. Несмотря на это конституціоналисты въ отношеніи избирательной системы сливаются съ крайними.

Обѣ эти партіи западниковъ, являясь противниками естественной эволюціи, едва ли могутъ быть признаваемы общественнымъ элементомъ, способнымъ къ упроченію историческихъ началъ государственнаго устройства на основѣ актовъ 18 февраля 1905 года. Поэтому нужно принять всѣ мѣры къ тому, чтобы на будущихъ выборахъ обѣ партіи западниковъ не имѣли успѣха.

Партія націоналистовъ, по политическимъ идеаламъ своимъ близкая и родственная общенародному политическому сознанию, тоже подраздѣляется на двѣ фракціи очень близкихъ оттѣнковъ по основнымъ принципамъ — и та и другая одинаково признаютъ самодержавіе — какъ основное начало нашей государственности, въ единеніи Царя съ народомъ видятъ высшую гарантію народнаго блага, но расходятся относительно способовъ осуществленія этого единенія.

Одна изъ этихъ фракцій признаетъ достаточнымъ для единенія Царя съ народомъ Высочайшихъ манифеста и указа правительствующему сенату, данныхъ 18 февраля 1905 года и въ возможности этимъ путемъ доводить до свѣдѣнія Царя народныя желанія видятъ осуществленіе этого единенія, поэтому участіе выборныхъ зрѣлыхъ силъ народныхъ въ совмѣстной

работѣ съ правительствомъ признаеть ненужнымъ. Нѣкоторые же изъ этой фракціи такой призывъ выборныхъ признають даже несогласнымъ и несомвѣстнымъ съ основными началами самодержавія, будто бы исключаящими всякую возможность совмѣстной работы людей, назначенныхъ непосредственно Самодержцемъ и выбранныхъ населеніемъ. Нужно, однако, замѣтить, что сторонники этого мнѣнія не поясняютъ, почему съ самодержавіемъ совмѣстимъ бюрократическій аппаратъ съ отличеніемъ и отборомъ людей по табели о рангахъ и почему несомвѣстимы отличеніе и отборъ по указанію населенія; почему первые могутъ исполнять волю монарха, а вторые не могутъ? И почему при службѣ вторыхъ самодержавный принципъ можетъ потерпѣть какой-либо ущербъ? Почему, наконецъ, выборные люди могутъ нести государеву службу внѣ центральныхъ учрежденій и не могутъ въ центральныхъ?

Другая фракція сторонниковъ самодержавнаго строя свои политическія мнѣнія основываетъ на взаимной связи всѣхъ трехъ актовъ царской воли, возвѣщенной 18 февраля 1905 г. Эта послѣдняя фракція, какъ кажется наиболѣе многочисленная изъ всѣхъ, вполне единомышленна въ отношеніи общаго принципа единенія Самодержавнаго Царя съ народомъ чрезъ призванныя имъ зрѣлыя общественныя силы, избранныя населеніемъ. Въ отношеніи же осуществленія этого основного начала въ средѣ многочисленныхъ его сторонниковъ верхняго слоя наблюдаются рѣзкія разномыслія, какъ мы это увидимъ при разсмотрѣніи предлагаемыхъ ими системъ выборовъ.

Но несмотря на это, а также и на то, что сознаніе пользы и необходимости самодержавія на основѣ Высоч. рескрипта 18 февраля все шире, глубже и отчетливѣе проникаеть въ народное сознаніе, но все же нельзя не признавать, что въ недалекомъ будущемъ предстоитъ большая борьба между западниками и націоналистами.

Въ сознаніи своей исторической правоты и колоссальной численной силы, сторонники національнаго направленія, какъ

всѣ сильные, склонны къ спокойствію и пассивности, тогда какъ западники обоихъ направленій проявляютъ чрезвычайную дѣятельность. Поэтому они являются очень опасными для государства, въ особенности если принять во вниманіе неумѣлость современнаго правительства различать дѣйствительное отъ мнимаго, дѣйствительное выраженіе народныхъ желаній отъ фальсифицированныхъ, какъ, на примѣръ, преувеличенная правительственная оцѣнка не имѣвшаго никакой цѣны партійнаго съѣзда въ ноябрѣ прошлаго года въ Петербургѣ, небольшой кучки земскихъ дѣятелей, 70—100 человекъ, изъ числа многихъ тысячъ таковыхъ, назвавшей себя *Всеземскимъ Съездомъ*. Не потому ли было узурпировано такое названіе, что въ этомъ самозванномъ съѣздѣ участвовали безъ всякаго правомочія всѣ предсѣдатели губ. зем. управъ, избранные для мѣстныхъ относительно мелкихъ хозяйственныхъ дѣлъ? При дальнѣйшей пассивности національной партіи, правительство, не зная другихъ партій, не слыша мнѣній иныхъ, какъ громко выкрикиваемыя противниками современнаго государственнаго строя, поддерживаемыхъ прессою и такъ-называемой интеллигенціей, чего добраго всю эту фальшь приметъ за настоящую монету, за мнѣніе страны и, идя на встрѣчу желаніямъ яко бы страны, правительство пожалуй съ той же торопливой и неосмотрительной легкостью, съ которой оно нынѣ рѣшаетъ важнѣйшія дѣла, признаетъ возможнымъ усвоить себѣ, какъ руководящія начала, всеобщую, равную для всѣхъ, прямую и закрытую подачу голосовъ; а это заблужденіе конечно обратитъ собраніе выборныхъ въ учредительное собраніе, которое или свергнетъ существующій государственный строй или само будетъ разогнано „par la force des baionettes“, какъ это въ свое время продѣлалъ Наполеонъ I, будучи только Бонапартомъ.

И тотъ и другой исходъ одинаково нежелательны, нужно твердое, спокойное, правильное осуществленіе воли Самодержца, опредѣленно выраженной въ рескриптѣ. А для этого необходимо, чтобы всѣ истинно русскіе люди вышли изъ без-

дѣйствія, вступили въ открытую борьбу съ антинаціоналистами, поставивъ себѣ задачей всецѣло устранить своихъ противниковъ умѣренныхъ и крайнихъ отъ всякой возможности воздѣйствія на государственное строеніе.

Господство западниковъ не только крайнихъ, но даже умѣренныхъ — конституціоналистовъ нанесло бы неисчислимый вредъ странѣ.

Громаднѣйшая, подавляющая часть населенія не потерпѣла бы эгонстическихъ попытокъ западниковъ ограничить самодержавную власть и выступила бы въ открытую борьбу съ посягателями захватить въ свои руки народомъ не данной имъ власти. Въ этой борьбѣ погибли бы все образованные слои и къ сожалѣнію совершенно безотносительно къ политическимъ идеаламъ каждаго. Виновные и невинные погибли бы одинаково одновременно, какъ бы и сколько бы крамольники не обманывали народъ ложными увѣреніями.

Другимъ послѣдствіемъ перехода власти отъ самодержца, всехъ объединяющаго, къ парламентскому конституціонному большинству европеетовъ, было бы всеми русскими людьми сознаваемое и предусматриваемое распаденіе современной Россіи и возвратъ къ Московскому государству XVII—XVI вѣка. Но даже если бы вопреки очевидности не случилось ни то, ни другое, то положеніе во всякомъ случаѣ измѣнилось бы къ худшему. Зло вѣдь не только въ разъединеніи царя съ народомъ и господствѣ бюрократіи, но и въ ненаціональности этого бюрократическаго аппарата. Будь бюрократія національна, она не была бы столь вредна какъ теперѣ. Съ переходомъ власти отъ самодержца къ западникамъ, правительство или, точнѣе выражаясь, западничающее большинство парламента, было бы конечно болѣе прямолинейнымъ, даже, скажемъ, безпощаднымъ проводителемъ началъ и формъ западныхъ. Усвоивъ себѣ приемы западно-европейскаго конституціоннаго деспотизма и тираніи, большинство, по образцу Комба или Стамбулова, произведетъ такую сокрушительную

подгонку всего русскаго національнаго подь европейскіе шаблоны, что „последняя лесть будеть горше первой“.

Въ видахъ предотвращенія такого потрясенія страны, необходимо напречь всѣ силы къ парализованію пагубнаго вліянія западниковъ.

Современная задача не въ дальнѣйшемъ подражаніи Западу, и въ прекращеніи этого подражанія, не въ измѣненіи на западный образецъ основъ нашего государственнаго устройства, а въ усовершенствованіи существующаго, не въ упраздненіи Самодержавія, а въ его укрѣпленіи и утвержденіи, путемъ превращенія нашего не національнаго, западническаго правительства въ національное, чрезъ единеніе Царя съ народомъ въ мнѣ его выборныхъ представителей, съ непрелымымъ стѣпаніемъ стоящей между Царемъ и народомъ европействующей и нынѣ господствующей бюрократіи на подобающее ей мѣсто, исполненія мыслей царскихъ единыхъ съ мыслями народными.

Устраненіе западничаствующихъ отъ народнаго представительства въ будущемъ законосовѣщательномъ учрежденіи нужно не только въ цѣляхъ принципиальныхъ, но и въ чисто практическихъ. Очутившись народными представителями, первымъ дѣйствіемъ ихъ будеть попытка превратить законосовѣщательное при Самодержцѣ учрежденіе въ законодательное, съ ограниченіемъ Самодержца, который по силѣ объѣта, Имъ данаго при Священномъ Коронованіи, неизбѣжно вынужденъ будеть распустишь такое собраніе, хотя бы для того потребовалась вооруженная сила, и затѣмъ сохранить существующій бюрократическій строй, Имъ же 18 февраля всенародно осужденный.

Повторяемъ, для того, чтобы не наступали такія опасности для Россіи, необходимо, чтобы сами избиратели напрягали всѣ свои усилія къ устраненію изъ числа выборныхъ въ центральное учрежденіе всѣхъ опасныхъ и антигосударственныхъ элементовъ. А для этого нужно, чтобы самое построеніе выборной организаціи, если не способствовало, то по крайней мѣрѣ не препятствовало достиженію цѣли. Въ этомъ отношеніи правитель-

ство должно помочь сторонникамъ Самодержавія соответствен-
нымъ закономъ, опредѣляющимъ выборную организацію.

При современныхъ обстоятельствахъ, когда рѣчь идетъ не только объ экономическомъ или политическомъ оздоровленіи огромнаго государственнаго организма—Россіи, а о его возрожденіи и даже перерожденіи, то естественно заботы объ этомъ первѣе всего на тѣхъ, кто цѣною многолѣтнихъ трудовъ, жертвъ, лишеній и страданій и крови создалъ эту Россію, нынѣ не по вѣнчъ ея создателей оказавшуюся близкой къ распаденію.

Тысячелѣтняя исторія нашего отечества съ непрекаемой опредѣленностью свидѣтельствуетъ, что своимъ бытіемъ Россія первѣе всего обязана двумъ исторически сложившимся общественнымъ группамъ, двумъ устоямъ, потомкамъ и преемникамъ коихъ нынѣ являются наши основныя земельныя сословія—дворянство и крестьянство. Въ этой ихъ зидательной работѣ ближайшими помощниками не переставали быть двѣ другія общественныя группы: духовенство и торговые люди.

Эти четыре основныя группы раздвинули маленькое государство Московское въ цѣлый міръ, раскинувшійся отъ Вислы до Тихаго океана. Историческая роль этихъ четырехъ общественныхъ группъ, ихъ органическая неразрывная связь съ Россіей особенно выпукло выступаетъ въ переживаемое нами смутное время.

Создатели могущества Россіи, эти группы не допускаютъ даже и мысли о возможности мира съ Японіей до побѣды надъ нею, какой бы ни было цѣной. Они же гнушаются и страдаютъ мысли пользоваться затрудненіями правительства, вызванными тягостною войною, для полученія какихъ-либо политическихъ вольностей, которыхъ при современныхъ обстоятельствахъ крамольною дѣятельностью и преступленіями вымогаютъ отщепенцы Россіи, въ средѣ которыхъ, ужасно сказать, стоятъ люди науки и ихъ ученики всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Во всѣ времена у всѣхъ народовъ молодежь всегда была

носителницею лучшихъ, святыхъ чувствъ патриотизма и безграничной любви къ родинѣ. У насъ же отщепенцы отъ родины обратили эту молодежь въ стыдъ, позоръ и срамъ Россіи.

Нравственныя мученія, переживаемыя нынѣ названными четырьмя основными общественными группами, есть тѣ бесспорныя условія, создающія имъ право и обязанность совмѣстнымъ трудомъ съ правительствомъ и Самодержцемъ вывести Россію на путь возрожденія и спасти свое созданіе отъ опасностей гибели, до которыхъ ее довели западническіе радѣтели о политическихъ вольностяхъ для евреевъ и себя, получившихъ въ провинціальной Россіи позорное именованіе домашнихъ японцевъ. Такимъ образомъ историческое прошлое и современное настоящее вполне опредѣленно свидѣтельствуютъ о томъ, что основныя четыре общественныя группы должны быть призваны къ предстоящимъ государственно созидательнымъ работамъ. Совмѣстно, во главѣ съ Царями создавали они Россію, къ совмѣстной же работѣ по ея возрожденію они должны нынѣ быть призваны. Что касается недавно, въ истекшее столѣтіе народившейся пестрой разношерстной группы отщепенцевъ отъ четырехъ коренныхъ общ. группъ, связанныхъ между собой только европейскою полуобразованностью и антипатриотическою противогосударственною и противообщественною дѣятельностью до политическихъ убійствъ и бомбометанія включительно, то едва ли можно подыскать разумные доводы для допущенія этой группы къ зиждительной работѣ по созиданію того государства, разрушеніе коего составляетъ задачу ихъ жизни, какъ о семъ свидѣтельствуетъ опытъ послѣдняго полустолѣтія.

Но такихъ общихъ признаковъ для опредѣленія права участія въ государевомъ дѣлѣ по силѣ Высоч. рескрипта 18 февраля еще недостаточно. Если бы ограничиться только сдѣланнымъ опредѣленіемъ, то пришлось бы допустить и всѣ отщепеншіеся отъ этихъ же группъ антигосударственные элементы, нынѣ по законамъ о состояніяхъ числящіеся въ этихъ группахъ.

Нужна не номинальная, по законамъ о состояніи принадлежность къ этимъ группамъ, а дѣйствительная, реальная, осязаемая. Мало числиться въ какой-либо изъ этихъ группъ, нужно къ ней принадлежать всѣмъ своимъ существомъ, нужно думать и жить ея интересамъ, нужно совместно со всѣми ея сочленами работать и творить въ области народохозяйственныхъ интересовъ, ей подлежащихъ. Право на участіе въ государственномъ строительствѣ принадлежитъ только создававшимъ государство и тѣмъ, кто нынѣ, въ своей частной жизни, въ своей такъ сказать домашней работѣ, участвуетъ въ народохозяйственномъ творествѣ, въ накопленіи народнаго богатства, крѣпко, неразрывно связывающаго ихъ съ государствомъ, отъ котораго, безъ риска самоуничтоженія, они ни уйти, ни убѣжать не могутъ. Только тѣ, кто при счастливыхъ и при несчастливыхъ для государства обстоятельствахъ одинаково составляютъ неотдѣлимую часть всего государственнаго организма, съ которымъ вмѣстѣ переживаютъ и радость и страданья, только тѣ, которые непрерывно участвуютъ въ государственно-народной хозяйственно творческой дѣятельности, только тѣ, которые отвѣтственны за благоденствіе государства, могутъ быть не лукавыми и вѣрными слугами государства, которое они не продадутъ и не предадутъ хотя бы позорнымъ бѣгствомъ въ минуту бѣдствія.

Дышаніе однимъ воздухомъ, рожденіе подъ однимъ небомъ, хожденіе по одной землѣ, разговоръ на одномъ языкѣ и т. п. при существованіи за счетъ и трудъ производительныхъ общественныхъ группъ, кровью или трудомъ накопившихъ богатства, и при этомъ, при возможности при всякой бѣдѣ бѣжать изъ страны или ея отдѣльныхъ мѣстностей, все это такія условія, въ которыхъ нѣтъ ни одного признака, общающаго искреннее не лукавое участіе въ государственномъ зидительствѣ. Всѣ создававшіе Россію, всѣ неразрывно съ ней связанные, всѣ творческіе и производящіе богатства элементы Россіи, всѣмъ своимъ существомъ поглощены войной, озабочены какой бы то ни была цѣной добиться побѣды, всѣ озабочены

помочь правительству въ его современномъ тяжеломъ положеніи, никому и въ голову не приходитъ чинить ему какія-либо затрудненія, предъявлять къ оплатѣ какіе-либо векселя, требовать какія-либо недоимки. Обратнo всѣ эти требователи мира съ Японіей во чтобы то ни стало для опозеренія Россіи, а ранѣе того—правительства, всѣ устроители ему всяческихъ затрудненій, поношеній и оскорбленій, всѣ создавшіе и поддерживающіе смуты, все это люди, не принадлежащіе къ четыремъ устоямъ, къ четыремъ созидательнымъ общественнымъ группамъ, это все чужаки, не связанные съ отечествомъ государственнымъ и частнымъ интересомъ, а сплоченные космополитизмомъ и антигосударственными и антиобщественными цѣлями съ еврействомъ, — врагомъ всѣхъ христіанскихъ народовъ и государствъ.

Политическія вождельнія людей этого направленія изъ числа разнаго рода специалистовъ, мнимыхъ интеллигентовъ, въ послѣдніе мѣсяцы вырисовались очень опредѣленно на Пироговскомъ съѣздѣ врачей въ Москвѣ, въ собраніи московскаго общества сельскаго хозяйства, состоявшаго изъ сельскихъ хозяевъ безъ своего и чужого хозяйства, въ собраніи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ забастовкахъ даже Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, профессоровъ, приватъ-доцентовъ, недоучившихся юношей и всякихъ профессіи евреевъ, въ скандалахъ разныхъ вольнонаемныхъ земскихъ статистиковъ, реминтонистовъ и другихъ земскихъ служащихъ, и во всякихъ сборищахъ и резолюціяхъ разныхъ политическихъ недорослей. Составленная изъ такихъ элементовъ партія очевидно не можетъ по своему политическому неразумію и по соображеніямъ, ранѣе изложеннымъ, безъ опасности, вреда для дѣла участвовать въ возрожденіи Россіи. Окажись она въ центральномъ собраніи выборныхъ, очевидно первымъ дѣломъ ея было бы стараніе обратить это собраніе въ учредительное для низверженія правительства.

Можетъ быть пройдутъ года и съ ними наступитъ у этого

разношерстного пестраго элемента беспочвенной интеллигенціи большая политическая зрѣлость и уравновѣшанность и тогда она сдѣлается способной къ государственной службѣ. Теперь же, когда именно эти элементы проявили столь ярко близкіе къ измѣнѣ разрушительные инстинкты, приглашать ихъ на работу возрожденія и прекращенія смуты, ими же созданной, значило бы рисковать бытіемъ Россіи. Отъ того, какія начала будутъ положены въ основу организаціи выборовъ „зрѣлыхъ силъ“ въ будущее собраніе и отъ того, въ какую форму выльются эти начала, нынѣ очевидно зависить будущая судьба Россіи.

Теперь остановимся на нѣкоторыхъ построеніяхъ, предложенныхъ сторонниками національнаго направленія; и подвергнемъ степень ихъ соответствія основной задачѣ.

III.

Среди земскихъ дѣятелей національной партіи довольно распространено мнѣніе о возможности возложенія на современные земскія собранія и городскія думы избранія выборныхъ въ высшее центральное учрежденіе. Конечно, это было бы очень просто, но и столь же неосновательно, какъ мы позже постараемся доказать.

Отправляясь отъ земскихъ учрежденій, т.-е. отъ хозяйственныхъ организацій, строитъ политическую организацію, публично высказавшійся въ газетѣ „Слово“ осмичленный кружокъ, состоящій изъ Д. К. Шипова, Н. А. Хомякова, князя П. Н. Трубецкого, М. А. Стаховича, В. И. Герье, князя В. М. Голицына, князя Г. Г. Гагарина и О. П. Герасимова. Этотъ кружокъ нынѣшнее государственное построеніе передѣлываетъ въ Госуд. Земск. Совѣтъ по передреволюціонному французскому образцу генеральныхъ штатовъ, собравшихся въ Парижѣ 5 мая 1789 года, а уже 17 іюня превратившихся въ единое національное собраніе или же по образцу тоже единого французскаго республиканскаго собранія 1848 года.

По мысли этого кружка, нынѣшній государственный совѣтъ упраздняется, а нынѣшнія земскія учрежденія наращиваются и кверху и книзу. Кверху вырастаетъ изъ губернскихъ земскихъ собраній ими выбранный Государственный Земскій Совѣтъ взамѣнъ упраздняемаго кружкомъ Государственнаго Совѣта, а внизъ наращивается мелкая земская единица. Цѣль такого наращиванія не опредѣлена ясно, но организація и функціи этого придатка вырисованы довольно опредѣленно. Эта мелкая единица—начальное звено избирательной организаціи для выбора въ центральное законосовѣщательное учрежденіе—образуется изъ 10—12000 душъ для завѣдыванія тѣми же дѣлами, которыми нынѣ завѣдуютъ уѣздныя земскія учрежденія.

Образуется исполнительное учрежденіе, подобное земской управѣ, избираемое нѣсколько иными коллегіями, чѣмъ по земскому положенію. Въ прежнихъ какъ и нынѣшнихъ земскихъ учрежденіяхъ участвовали и участвуютъ лишь крестьяне и владѣльцы различнаго рода имущественныхъ цензовъ. Въ новую же организацію вводятся чужаки — весь наѣзжіи и набродный, такъ-называемый, третій элементъ, столь ярко откровенно опредѣлившій на всякихъ сѣздахъ и сходкахъ свои антигосударственныя и антиобщественныя тенденціи, требующій всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ только для того, конечно, чтобы посредствомъ политической интриги и агитаціи прорваться въ центральное собраніе для превращенія его въ учредительное съ цѣлью ниспроверженія нынѣшняго государственно-общественнаго строя. Для введенія этого полубразованнаго третьяго элемента проектируется никогда, нигдѣ въ мірѣ не существовавшій сельскій квартирный налогъ въ пользу земства. За уплату нѣсколькихъ грошей, чужакамъ предоставляется право не только вмѣшательства въ чуждыя имъ хозяйственныя дѣла, но даже и участіе въ политическомъ представительствѣ мѣстности.

Нужно сознаться, что этотъ проектъ осмичленнаго

кружка для государства опаснѣе даже всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ, ибо ни эта послѣдняя система выборовъ и никакая иная не можетъ имъ дать больше шансовъ попасть въ центральное учрежденіе или укомплектовать его единомышленниками, какъ система осѣмичленного кружка.

Для достиженія ихъ цѣли, кружокъ облегчаетъ имъ электоральную агитацію, сокращая на девять десятыхъ число избирателей крестьянъ, предоставленіемъ права участія въ избирательныхъ собраніяхъ только десятидворнымъ, т.-е. по одному отъ 10 крестьянскихъ дворовъ, тогда какъ каждое лицо изъ третьяго элемента чужаковъ, трудъ котораго кѣмъ-либо оплачивается тремястами рублей, пользуется полнымъ избирательнымъ правомъ, хотя и состоитъ *чужакомъ* въ данной мѣстности. *Коренной житель—крестьянинъ*, преданный самодержавію, готовый лечь за него костью, какъ бы онъ ни былъ состоятеленъ и хотя бы зарабатывалъ тысячи рублей, сидя на своей надѣльной землѣ, имѣетъ лишь одну десятую этого права, ибо участвуетъ въ избирательныхъ собраніяхъ только черезъ десятидворныхъ. При сравненіи двухъ системъ приходится признать всеобщую подачу голосовъ менѣе опасной для государственно-общественнаго строя, чѣмъ рекомендуемая кружкомъ.

Эта послѣдняя система, вводя въ мелкія хозяйственныя организаціи случайныхъ, наѣзжихъ чужаковъ за взносъ одного рубля съ копѣйками въ земскую кассу, дѣлаетъ ихъ распорядителями тысячами рублей, внесенныхъ коренными жителями, но еще хуже, вводитъ ихъ въ выборную интригу, для которой крамольная пропаганда могучее средство, а невѣжественное крестьянство хорошіи матеріаль. Въ особенности поразительно предложеніе такого построенія въ настоящее смутное время. Осуществленіе его сопряжено нынѣ съ рискомъ получить уѣздныя и губернскія земскія собранія составленными изъ третьяго элемента да изъ наиболѣе бойкихъ, третьимъ же элементомъ совращенныхъ крестьянъ. Одному изъ членовъ

кружка князю П. Н. Трубецкому слѣдовало бы вспомнить, какъ въ первые годы его предводительства, въ Московскомъ уѣздѣ на избирательномъ земскомъ сѣздѣ дворянство было забаллотировано мелкими промышленниками. Такія печальныя явленія происходили до изданія новаго земскаго положенія во многихъ мѣстахъ. Для предотвращенія столь нежелательныхъ и вредныхъ явленій избирательныя коллегіи были перестроены на началѣ тождества и общности интересовъ (нынѣшнее земское положеніе). При такой организаціи не можетъ случиться, чтобы одна общественная группа подавила другую, оставивъ ее безъ представительства. Только незнаемъ сельской жизни, отдаленностью отъ своихъ собственныхъ хозяйственныхъ интересовъ, всегдашнею жизнью внѣ имѣній, въ столицахъ г.г. инициаторовъ можно себѣ объяснить фантастическое предположеніе, что какой-нибудь почтенный, себя уважающій землевладелецъ пойдетъ на сходку въ нѣсколько сотъ невѣжественныхъ и грубыхъ, хотя и хорошихъ людей, въ многочисленной средѣ коихъ онъ будетъ въ ничтожнѣйшемъ меньшинствѣ или даже одиночествѣ. При этой утопической мелкой земской единицѣ землевладельцы и фабриканты, крупныя плательщики земскаго налога на обслуживаніе исключительно крестьянскихъ интересовъ, навѣрное окажутся отстраненными отъ мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ и отъ служенія государству въ послѣдующихъ высшихъ звеньяхъ земскихъ учрежденій.

Кружокъ и самъ предусматриваетъ возможность такихъ явленій, находящихъ себѣ подтвержденіе въ описаніи жизни польской гмины, сдѣланномъ извѣстнымъ ученымъ В. Д. Спасовичемъ въ книгѣ о мелкой земской единицѣ.

Устранять эти печальныя явленія инициаторы хотятъ самопополненіемъ (по ихъ терминологіи кооптаціею) уѣздныхъ земскихъ собраній ¹⁾, забывая про то, что собранія то эти могутъ

¹⁾ Ну, а какъ же исправлять организацію мелкихъ земскихъ единицъ, если тамъ преобладаютъ невѣжды, или кулаки, или крамольники? объ этомъ инициаторы не говорятъ ни слова.

не пожелать этого самопополненія или пополнить его элементами наиболѣе нежелательными во всѣхъ отношеніяхъ; въ благопріятномъ же случаѣ это пополненіе можетъ оказаться бесполезнымъ при господствѣ сѣренькаго или краснаго большинства. Противъ всего этого какія же мѣры? Это мелкая земская единица, на которой московскій кружокъ полагаетъ возвести государственное зданіе. Во времена такъ-называемыхъ Виттовскихъ комитетовъ 1902 года мел. земск. единица впервые появилась въ земскомъ лексиконѣ въ туманномъ опредѣленіи и получила право гражданства среди земскихъ людей, понимавшихъ ее каждый по своему.

Болѣе или менѣе ясно очертилъ ее Д. Н. Шиповъ, ея инициаторъ, въ газетѣ „Слово“. То вниманіе, которое она къ себѣ привлекла даже внѣ земскихъ круговъ, побуждаетъ насъ не ограничиваться сдѣланными замѣчаніями, а остановиться на ней подробно.

Такую еще нигдѣ въ мірѣ не испытанную мелкую земскую единицу проектируется организовать не только изъ мѣстныхъ коренныхъ жителей—фабрикантовъ, землевладѣльцевъ, торговцевъ и крестьянъ съ противоположными интересами, собранныхъ въ одинъ сходъ, но и при участіи набродныхъ квартиронанимателей, уплачивающихъ за это участіе въ чужихъ дѣлахъ, въ пользу земства, около рубля въ годъ, въ видѣ квартирнаго налога съ наемной квартирной платы, которая опредѣляется не контрактомъ о наймѣ квартиры, не словеснымъ договоромъ о наймѣ, а новымъ еще несслыханнымъ способомъ: двадцатью процентами съ договора о личномъ наймѣ въ 300 рублей. По этой новой системѣ каждое лицо, желающее вторгнуться въ чужія ему мѣстныя дѣла, нанимаетъ квартиру и съ квартирохозяиномъ заключаетъ фиктивный договоръ о личномъ наймѣ къ нему за 300 рублей въ годъ; выдаетъ ему расписку въ полученіи всего жалованья впередъ; за совершеніе сихъ фиктивныхъ договоровъ выплачиваетъ какому-нибудь бѣдняку ничтожныя деньги, еще около рубля уплачиваетъ земству квар-

тирнаго налога и, совершивъ всѣ эти обманныя операціи, не только получаетъ право участія въ мѣстныхъ дѣлахъ, но становится избирателемъ и избираемымъ въ высшее законосовѣщательное учрежденіе. И на представительствѣ такой яко бы земской, но въ сущности доктринерскодемократической и конечно не жизненной мелкой земской единицы предполагается уѣздное земское собраніе; изъ него выйдетъ губернское земское собраніе, изъ котораго должно по мысли авторовъ путемъ выборовъ вырости центральное собраніе выборныхъ для законосовѣщательныхъ работъ. Если бы такъ образовывали инициаторы совѣтъ при управленіи мѣстными дѣлами въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, то объ этомъ еще можно бы было говорить и спорить. Но говорить серьезно о возведеніи важнѣйшаго государственнаго построенія на такомъ пескѣ или пыли невозможно.

Представительство въ законосовѣщательномъ учрежденіи, по существу своему, есть представительство политическое, и какъ таковое, не можетъ имѣть никакой органической связи съ хозяйственными организаціями, имѣющими относительно узкія и специально хозяйственныя задачи, хотя и осуществляемые тоже выборными отъ населенія людьми. Возложеніе на этихъ людей—гласныхъ земскихъ собраній—двойной задачи, завѣдыванія хозяйственными дѣлами и выдѣленіемъ изъ себя политическаго представительства, значило бы дурно осуществлять объѣ задачи. Каждая изъ этихъ различныхъ по своему существу задачъ требуетъ и разныхъ людей. Партиійная борьба при выборѣ гласныхъ въ земское самоуправленіе всегда базируется на основаніяхъ и мотивахъ, недопустимыхъ при борьбѣ въ учрежденіяхъ политическаго значенія. Допускать отраженіе партиійной борьбы, на почвѣ мѣстныхъ интересовъ, въ центральномъ учрежденіи вполне невозможно. Въ той же мѣрѣ недопустимо перенесеніе борьбы политическихъ программъ въ область чисто хозяйственныхъ дѣлъ.

Сторонники надстройки земскаго зданія обширнымъ груз-

нымъ этажемъ, не довольствуясь надстройкой, желаютъ еще и подстройки четвертаго этажа, на которомъ должно стоять трехэтажное зданіе. Для своего теоретическаго построенія они не стѣсняются отступать отъ основныхъ принциповъ всякихъ хозяйственныхъ организаціи.

Разсмотримъ подробнѣе, что такое эта мелкая земская единица, остановимся надъ выясненіемъ этой земской базы, увлекающей сторонниковъ красивыхъ архитектурныхъ построеній. Прежде однако замѣтимъ, что на Западѣ эти мелкія земскохозяйственныя единицы не таковы какъ та, которою насъ хотятъ обольстить, въ 10—12.000 жителей, со включеніемъ въ нее всѣхъ землевладѣльцевъ, фабрикантовъ, квартиронанимателей и т. д.

Во Франціи такая единица «сельская коммуна» въ среднемъ лишь около 1.000 жителей обоого пола; за этимъ слѣдуетъ *arrondissement* (уѣздъ) въ среднемъ 100,000 жителей.

Въ Пруссіи *Landgemeinde* въ среднемъ 500 жителей, за этимъ *Landkreis* въ 50.000 жителей, при чемъ въ мелкую земскую единицу не входятъ владѣльцы крупныхъ имѣній.

Въ Англии такія мелкія единицы въ среднемъ лишь въ 200—300 душъ и совпадаютъ съ приходами. За этими единицами слѣдующая ступень *districts* въ 120.000 душъ. Въ этомъ отношеніи существуетъ полное сходство, даже единство, между западными порядками и тѣмъ, что у насъ нынѣ существуетъ и что идущая отъ кружка мысль хочетъ замѣнить, даже не изъ подражанія Западу, но для удовлетворенія измышленія такъ-называемаго третьяго элемента. По идеѣ инициаторовъ мелкая земская единица это части уѣзда, занимающіяся тѣми же самыми дѣлами и осуществляющія тѣ же задачи какъ уѣздныя земскія учрежденія, отъ которыхъ съ созданіемъ болѣе мелкихъ организацій, естественно, отпадутъ всѣ тѣ дѣла, которыя они нынѣ вѣдаютъ; а съ этимъ конечно отпадутъ и основанія для существованія самыхъ уѣздныхъ организацій. Сохраненіе ихъ могло бы оправдываться только изъ Москвы же вышедшей теоріею подчи-

неиія уѣздныхъ земствъ губернскому; очевидно, что по этой схемѣ уѣздное земство продолжало бы существовать только для того, чтобы было кому подчинять мелкія земскія единицы. Роль уѣздныхъ земскихъ собраній, нынѣ занятыхъ творческой дѣятельностью, низведется до разбора пререканій между мелкими земскими единицами по ихъ ходатайствамъ передъ земскимъ собраніемъ о субсидіяхъ на дорожныя сооружеія, содержаніе школъ, больничекъ, домовъ призрѣнія и т. п. отраслей мѣстнаго хозяйства. Въ концѣ-концовъ дѣло вернется къ современному положенію оплаты расходовъ на мѣстныя потребности изъ того же уѣзднаго обложенія.

Признаемся откровенно, не смотря на нашу двадцатисемилѣтнюю дѣятельность въ земствѣ, отъ нашего пониманія совершенно ускользаетъ цѣль и польза этой трехъэтажной организаціи, для завѣдыванія одними и тѣми же мѣстными хозяйственными дѣлами, на которыя нынѣ цѣтъ денегъ, при чемъ для туманныхъ закрытыхъ цѣлей предполагается поколебать всѣ основы всякихъ хозяйственныхъ организацій введеніемъ въ ихъ составъ новыхъ, чуждыхъ земству, хозяйству и населенію людей. Точь въ точь такъ, какъ желаютъ не вложившіе въ фабрику капиталъ и на ней работающіе за деньги рабочіе участвовать въ администриваніи фабрикою.

Видъ первымъ послѣдствіемъ подведенія третьяго этажа была бы необходимость оплачивать его содержаніе, а земство и населеніе и безъ того страдаютъ безденежемъ и оклады въ недоимкѣ. Будетъ отъ него прокъ или нѣтъ, но населеніе должно оплатить эту затѣю. Какъ бы во избѣжаніе новой налоговой тяготы инициаторы изыскиваютъ и новые источники полученія денегъ, которыя въ концѣ концовъ однако заплатитъ тоже коренное населеніе. Предполагается привлечь къ земскому обложенію чрезъ введеніе квартирнаго налога всѣхъ проживающихъ въ деревняхъ лицъ, не платящихъ земскаго налога. Кто же эти лица? Управляющіе, приказчики и другіе служащіе у землевладѣльцевъ, торговцевъ и владѣльцевъ промышленныхъ

заведеній, служащіе у земства по вольному найму; сельскіе учителя, агрономы, техники, врачи, ветеринары, статистики, фельдшера и т. п. Квартирный налогъ эти лица очевидно, перенесутъ на нанимателей, платящихъ земскій налогъ или на то же земство, т. е. на коренное населеніе.

За фиктивную уплату квартирнаго налога, этому случайному, наѣзжему, перелетному люду, чуждому мѣстнымъ интересамъ, предполагается предоставить не одинаковое, а даже большее, чѣмъ коренному населенію, право участія въ мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ.

Нѣкоторые члены кружка и его единомышленники высказываютъ мысль, что включеніемъ третьяго элемента въ земскія организаціи можно его отвлечь отъ его крамольной дѣятельности и что это одно изъ соображеній, побуждающихъ ихъ на введеніе его въ мелкую земскую единицу, безъ которой онъ не можетъ попасть въ земство.

Утверждая это, инициаторы очевидно забыли про то, что еще недавно были люди, которые наивно думали чрезъ Гапона и организованные имъ союзы рабочихъ предотвратить революціонныя стачки и забастовки рабочихъ. Забыли и про то, что еще никогда никому не удавалось утопить рыбу въ водѣ.

Земскіе люди, часто противопоставляя дѣятельность земскихъ учрежденій за истекшее сорокалѣтіе дѣятельности бюрократической, не безъ права похваляются результатами своей земской работы и это ихъ право на самовосхваленіе никѣмъ не оспаривается, а всѣми благоразумными людьми признается. Но вѣдь эта благотворная дѣятельность должна быть отнесена всецѣло за счетъ земскихъ учрежденій, такихъ, какія нынѣ существуютъ и ранѣе существовали, руководимыя помѣстнымъ дворянствомъ, самоотверженно отдававшимъ свои труды и земскіе налоги, иногда очень тяжелые, на обслуживаніе не своихъ, а по преимуществу крестьянскихъ интересовъ, безъ всякихъ мелкихъ земскихъ единицъ и безъ введенія въ земскія учрежденія элементовъ ему чуждыхъ, налетныхъ, случайныхъ.

Зачѣмъ же отъ хорошаго, испытаннаго и извѣстнаго бросаться въ область неизвѣстнаго и испытывать это неизвѣстное за счетъ населенія? Зачѣмъ это коверканье учреждений, 40 лѣтъ столь плодотворно работавшихъ и давшихъ прекрасные результаты? И если въ послѣдніе годы творческая дѣятельность ихъ пріостановилась, то произошло это не по причинамъ обветшалости, негодности или несовершенству самыхъ учреждений.

Знжидательная дѣятельность современнаго земства ослабѣла отъ того, что задачи его расширяются, а средства на ихъ осуществленіе не растутъ, а иногда даже падаютъ. Произошло же это потому, что государство чрезмѣрно использовало налоговую платежеспособность населенія для цѣлей, отдаленныхъ отъ мѣстныхъ нуждъ, объ удовлетвореніи же послѣднихъ оно не заботилось, такъ для чего же тутъ мелкая земская единица, т.-е. новое оплачиваемое учрежденіе? Если нѣтъ денегъ у населенія, то не только мелкая, но и мельчайшая единица ихъ не прибавить. Не прибавятъ ихъ и привлекаемая въ избирательные для выбора гласныхъ въ мелкую земскую единицу лица, получающія доходъ въ 300 рублей. Какъ не понижайте земскій избирательный цензъ, не прибавится для творческой земской дѣятельности ни одной копѣйки. Результатъ этой модно-демократической затѣи будетъ двоякъ: инициаторы увѣнчаются дешевыми лаврами отъ людей крайняго лѣваго направленія, а земское дѣло потерпитъ отъ рѣзкаго пониженія культурнаго уровня земскихъ учреждений или, еще того хуже, при посредствѣ всякой лжи, обмановъ, клеветъ, ложныхъ увѣреній, руководство мѣстными дѣлами попадаетъ въ руки людей, въ послѣдніе мѣсяцы въ разныхъ мѣстахъ выкрикивавшихъ учредительное собраніе для провозглашенія республики. Повторяемъ, какъ бы не перестраивать земскія учрежденія, какія бы мельчайшія земскія единицы подъ нихъ не подводить, дѣятельность земскихъ учреждений не разовьется, если у него не явятся новые источники дохода, въ родѣ Московскаго земства, субсидируемаго городомъ Москвою въ размѣрѣ цѣлаго милліона рублей, что

напримѣръ, для Орловской губерніи соотвѣтствовало бы почти удвоенію бюджетовъ всѣхъ уѣздныхъ земствъ. Какъ бы не раздроблялось уѣздное земское хозяйство, какіе бы чужестранные и чужеродные элементы не всовывались въ мѣстные хозяйственныя организациі, интересъ крестьянскаго населенія къ общественнымъ дѣламъ не возбудится, пока у населенія будетъ столь же мало какъ нынѣ средствъ на удовлетвореніе не только общественныхъ, но и собственныхъ потребностей и пока населеніе въ смыслѣ общественномъ будетъ столь же невѣжественно какъ нынѣ, тщетно также надѣяться устранить эту невѣжественность насаждаемою малограмотностью. Только увеличеніе матеріальнаго достатка можетъ устранить невѣжество, этотъ всегдашній спутникъ бѣдности.

Чѣмъ обширнѣе территория, облагаемая на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, тѣмъ равномернѣе падаютъ на населеніе налоги, на удовлетвореніе этихъ потребностей, и тѣмъ равномернѣе удовлетворяются и самыя потребности и обратно: чѣмъ меньше районъ обложенія, тѣмъ неравномернѣе налоги, и тѣмъ неравномернѣе удовлетворяются потребности. Это вѣдь простыя истины. Размѣры районовъ опредѣляются простой физической возможностью выполненія задачъ. Идеаломъ былъ бы обширный районъ цѣлаго Государства, но достиженіе этого идеала практически невыполнимо. Слишкомъ крупной единицей является и районъ губерніи. Но за то и слишкомъ мелкимъ при существующихъ условіяхъ населенности и имущественной обезпеченности населенія являлось бы дробленіе уѣзда на болѣе мелкія, чѣмъ уѣзды, но болѣе крупныя, чѣмъ существующія сельскія хозяйственныя единицы.

Ближайшимъ послѣдствіемъ осуществленія мелкой земской единицы будетъ ужасающая неравномерность мѣстнаго налога и такая же неравномерность удовлетворенія потребностей. Неравномерно распределены по уѣзду люди, сколько-нибудь пригодные къ общественной дѣятельности. Эту неравномерность г.г. инициаторы хотятъ исправлять припущеніемъ къ земско-

хозяйственной дѣятельности чуждыхъ населенію и земству людей. Ну, а чѣмъ же исправлять неравнобѣрность распредѣленія болотъ, овраговъ, горъ, трясинъ, рѣчекъ, песковъ, глинъ и т. п. Или же неравнобѣрность разстояній между селеніями, неравнобѣрность распредѣленія по уѣзду фабрикъ и заводовъ, мельницъ ¹⁾, неравнобѣрность гпгіеничныхъ условій, неравнобѣрность поселеній и всѣ прочія неравнобѣрности, опредѣляющія размѣръ расходовъ или точнѣе обложенія. Естественнымъ послѣдствіемъ осуществленія теоретической и доктринерско-демократической красоты построенія всего зданія на мелкой земской единицѣ будетъ обложеніе десятины въ одной единицѣ пятью копѣйками, а въ другой полнымъ рублемъ, если уѣздное земство будетъ играть роль попечительнаго понуждающаго начальства; а если же роли этой оно не получитъ, то тамъ, гдѣ достаточно 5 коп. съ десятины на полное удовлетвореніе мѣстныхъ хозяйственныхъ потребностей, таковыя полностью будутъ удовлетворены; тамъ же, гдѣ на это нужно рубль съ десятины, онѣ будутъ удовлетворены только на тѣ же 5 коп. съ десятины.

Рѣзкая неравнобѣрность обложенія возможна лишь для мѣстностей, взаимно очень отдаленныхъ, въ близкихъ же сосѣдскихъ разстояніяхъ она невысказана.

Всего же вѣроятнѣе, что стремящееся къ сокращенію налоговъ крестьянство, сдѣлавшись хозяиномъ положенія, и теперьшніе то налоги земскіе сократитъ, конечно, за счетъ удовлетворенія потребностей, по ихъ мнѣнію удобоотлагаемыхъ. Тогда пожалуй и не съ кого будетъ взимать квартирныя налоги, когда будутъ уволены статистики, агрономы, современные учителя и проч.

Инициаторы мелкой земской единицы, обходя молчаніемъ всѣ перечисленные неудобства, упоминаютъ лишь о неравнобѣрномъ распредѣленіи по мелкимъ земскимъ единицамъ лю-

¹⁾ По мѣткому выраженію одного изъ членовъ особаго совѣщанія, при неравнобѣрности распредѣленія фабричныхъ предпріятій, населеніе однихъ мелкихъ земскихъ единицъ будетъ нести тяжелые налоги, другимъ же единицамъ повезетъ попасть въ содержанки этихъ предпріятій.

дей, пригодныхъ къ общественной дѣятельности. Предусматривая сѣренкій составъ земскихъ собраній изъ выбранныхъ представителей мелкихъ земскихъ единицъ, они спѣшатъ искусственнымъ путемъ пополнить составъ земскихъ собраній болѣе достойными и способными людьми, путемъ самопополненія собранія представителей мелкихъ земскихъ единицъ, людьми, этими мелкими единицами обойденными.

Для осуществленія изобрѣтенія ретроградовъ 60-хъ годовъ и либераловъ 80-хъ прошлаго столѣтія, въ тѣ времена называвшагося всесловной волостью, а нынѣ мелкой земской единицей, съ тѣми же надеждами воздѣйствія на крестьянъ хотя съ разными цѣлями и въ разныхъ направленіяхъ, нынѣ предполагаются и допускаются отступленія отъ принциповъ, проектируется и новый квартирный налогъ за счетъ нынѣшнихъ плательщиковъ его, въ хозяйственныя организаціи вводятся чуждые имъ люди, уѣздныя же земскія собранія пополняютъ не избранными населеніемъ гласными, а кооптированными тѣмъ же уѣзднымъ собраніемъ въ размѣрѣ до $\frac{1}{5}$ всего собранія изъ лицъ, угодныхъ большинству собраній.

Ну, а что, если мелкая то земская единица съ преобладаніемъ крестьянъ пріостановитъ культурно хозяйственную жизнь и понизитъ культурный уровень современныхъ земскихъ учреждений, оказавшихъ разнообразныя пользы странѣ. А что, если эти реформированныя то земскія собранія, которымъ иниціаторы предоставляютъ выборъ представителей въ центральное законосовѣщательное учрежденіе, подобно гминамъ, вынесутъ на поверхность только сѣрыхъ представителей, или того хуже, изъ числа только тѣхъ постороннихъ профессионаловъ, которые въ Москвѣ возглашали учредительное собраніе и республику и уговаривались не лѣчить холеру? Что останется въ послѣднемъ случаѣ отъ Самодержавія, охранителями коего объявляютъ себя авторы мелкой земской единицы? Тогда вѣдь не безъ основанія можно будетъ сказать, что изобрѣтеніе это не ошибка, а коварство. Когда ставятся ясныя и опредѣленныя задачи,

какъ, напримѣръ, укрѣпленіе Самодержавія чрезъ единеніе Царя съ народомъ, чрезъ избранныхъ населеніемъ излюбленныхъ людей, то необходимо идти къ цѣли путями тоже ясными, опредѣленными, испытанными, извѣстными и при томъ съ устраненіемъ всякихъ случайностей, всего неизвѣстнаго и не подставлять чужаковъ изъ третьяго элемента. Поэтому можно ли, задаваясь серьезнымъ государственно-общественнымъ зиждительствомъ, измышлять такія явно несправедливыя, некультурныя, антигосударственныя и антиобщественныя организаціи, какъ мелкая земская единица, да на ней еще обосновывать народное представительство — выборныхъ въ центральномъ учрежденіи?

Насъ могутъ упрекнуть въ злоупотребленіи словами антигосударственное, антиобщественное, да какъ же иначе опредѣлять стремленіе оттѣснить отъ земскихъ дѣлъ помѣстное дворянство для замѣны его квартирантами, политическія программы которыхъ въ послѣдніе мѣсяцы вполне опредѣлились на разныхъ съѣздахъ и резолюціями, на этихъ съѣздахъ постановленными. До истекшаго сентября сторонники мелкой земской единицы еще могли спорить и настаивать на неосновательной подозрительности, теперь же политическая валюта интеллигентовъ-пролетаріевъ вполне опредѣлена ими самими. Можно только удивляться, что и послѣ этого сторонники Самодержавія могутъ еще пропагандировать мелкую земскую единицу. Введите эту единицу, а по другому рецепту иныхъ новаторовъ социаль-демократическаго толка, замѣните волостной судъ судомъ чиновника (изъ студентовъ-забастовщиковъ) съ X томомъ, населите деревни необходимыми для такого суда адвокатами и о Россіи будущіи ея историкъ скажетъ то же, что сказалъ Тэнъ, излагая обстоятельства и причины великой французской революціи; сказалъ же онъ вотъ что: „*symptôme alarmant et qui marque d'avance la voie que va suivre la révolution: l'homme du peuple est endoctriné par l'avocat*“ ¹⁾). Ну, а насъ еще будутъ доктора, учителя и проч.

¹⁾ Taine. Les origines de la France contemporaine. Tome II, page 309.

Автору подлежащей работы, какъ старому земскому дѣятелю, начавшему земскую дѣятельность съ 1866 года и отдавшему ей почти тридцать лѣтъ своей жизни, такъ и хочется сказать реформаторамъ не по требованію жизни, не изъ подражанія даже западу, а просто изъ какой то фантазіи пли утопической доктрины: „руки прочь“, не дерзайте на мать, васъ вскормившую, не лишайте Россію тѣхъ земскихъ учрежденій, которыя своею сорокалѣтнею вѣрною и самоотверженною службою принесли разностороннюю пользу родинѣ. Хорошее извѣстное не мѣняйте на опасное неизвѣстное, пусть съ такими проектами выступаютъ чиновники, журналисты, адвокаты, статистики и прочіе земскіе служащіе, а земскимъ людямъ не подобаешь.

Связывать новое Государственное Учрежденіе съ земскими организаціями нельзя, потому что правильною жизнью земскихъ учрежденій рисковать невозможно безъ явныхъ неудобствъ и опасностей для населенія. А дѣятельность этихъ учрежденій можетъ очень измѣниться или даже совсѣмъ прекратиться при малѣйшемъ замѣшательствѣ въ жизни центрального учрежденія. Мы не говоримъ уже о случаѣ распущенія выборныхъ по какимъ бы то ни было причинамъ.

Поэтому, очевидно, нужно отказаться отъ мысли о какой либо связи хозяйственныхъ общественныхъ учрежденій съ организаціей народнаго представительства для законосовѣщательныхъ работъ. Нужно искать иныхъ формъ для этой организаціи, болѣе обезпечивающихъ выполнение задачи; и отъ соціально-демократической затѣи—мелкой земской единицы нужно тоже отказаться такъ же, какъ дважды отказались отъ родственной ей всесословной волости, въ первый разъ въ 60-хъ, а во второй разъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Пора перестать носить покойниковъ съ кладбища, какъ ни мѣняйте гробы и одежду, а трупъ не сдѣлается живымъ организмомъ. Правильнѣе подумать о возрожденіи жизни приходоѡ, да и то не при современной смутѣ и шатаніи умовъ.

IV.

Если бы всё мы жили нормальной жизнью, если бы в настоящее время Россія не представляла собою израненный коллективный человѣческій организмъ, пораженный глубокимъ психическимъ недугомъ, при которомъ самые ничтожные по уму, образованію и соціальному положенію люди мнятъ себя великими реформаторами, призванными возродить нашу впавшую въ маразмъ государственность, то вопросъ объ исполненіи предначертаній рескрипта былъ бы относительно простъ.

При теперешней же смутѣ умовъ, нужна огромная осторожность при проектированіи построенія новаго учрежденія, въ которомъ мѣстные выборные люди совмѣстно съ правительствомъ будутъ нести Государеву службу, не для разрушенія существующаго государственнаго строя, а для его укрѣпленія.

Эта то совмѣстность работы съ существующимъ правительствомъ исключаетъ всякую мысль о какихъ-либо построеніяхъ на западно-европейскій ладъ. Вырождающійся парламентаризмъ Запада очевидно не можетъ и не долженъ служить намъ образцомъ. Нужно искать новыхъ формъ и способовъ усовершенствованія существующей формы правленія, которая въ народномъ сознаніи не только незыблема, но и соединена съ мистическимъ представленіемъ, въ силу коего Самодержавіе не только правленіе, но это народный культъ.

Поэтому призывъ выборныхъ, какъ мы ранѣе говорили, не есть дарованіе какихъ-либо правъ населенію, а призывъ его къ выполненію обязанностей по несенію Государевой службы. А такая точка зрѣнія сама собою опредѣляетъ, что на эту новую форму служенія, какъ и на всякую службу, на всякое дѣло могутъ быть привлекаемы только люди, дѣлу пригодные. На постройку зданія берутъ камнекладчиковъ и цементъ, а не сломщиковъ и не динамитъ. Въ данномъ дѣлѣ естественно привлечь къ новой повинности государственнаго зиждительства тѣ составныя части населенія, которыя съ начальнаго періода рус-

скої исторіи и до нашихъ дней принимали и принимаютъ дѣятельное участіе въ собираніи русской земли, государственномъ ея строеніи и въ народохозяйственномъ творествѣ, *а также издавна участвуютъ чрезъ своихъ выборныхъ въ мѣстномъ управленіи.* Съ осуществленіемъ Высочайшаго рескрипта выборные отъ этихъ элементовъ населенія будутъ нести Государеву службу не только въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, но и въ центральномъ, подъ надзоромъ и руководительствомъ не высшихъ чиновниковъ, а самого Государя.

Всего правильнѣе положиться на созидательныя силы именно этихъ элементовъ населенія, которые кровью, жизнью, лишеніями и трудами создавали Россію, неотдѣлимую часть которой представляетъ собою каждый человѣкъ, входящій въ составъ этихъ творческихъ общественныхъ группъ, преемственно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, связанныхъ всѣмъ существомъ своихъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ съ великой родиной.

Только эти элементы населенія, вылившіеся въ историческія группы, связанные взаимною общностью духовныхъ и имущественныхъ интересовъ и преданные одному для всѣхъ общему Государственному интересу, и могутъ быть признаны пригодными для дѣла обновленія и возрожденія нашей Государственности.

Призывъ къ совмѣстной съ правительствомъ работѣ всѣхъ безъ разбора не находитъ себѣ оправданія въ существѣ дѣла. Сторонники этой мысли въ сужденіяхъ своихъ исходятъ отъ двухъ недопустимыхъ и ложныхъ положеній. Они полагаютъ, что, слѣдуя методу подражанія Западу, предполагается насаждать парламентаризмъ съ надѣленіемъ народа правами на управленіе страной. Исходя изъ этого и стремясь къ этому, огромнѣйшею частью Россіи отрицаемому, народовластію, они требуютъ всеобщей, для всѣхъ равной, прямой и тайной подачи голосовъ для указанія зрѣлыхъ силъ, пригодныхъ для совмѣстной съ правительствомъ работы. Въ виду того, что требованіе это исходитъ именно изъ тѣхъ слоевъ населенія, давно оторвавшихся отъ почвы и не участвующихъ

въ хозяйственно-творческихъ и государственно-созидательныхъ работахъ, которые за послѣднее время особенно ярко явили себя врагами современнаго государственно-общественнаго строя, то ясно, что къ дѣлу укрѣпленія именно этого строя не допустимы не только эти силы, но и провозглашаемая ими избирательная система. Нынѣ вѣдь ни для кого не тайна, что слои эти чрезъ рекомендуемую ими избирательную систему стремятся создать учредительное собраніе для ниспроверженія существующаго государственно-общественнаго строя. Переживаемая нами смута и правительственная слабость имѣли только ту хорошую сторону, что всѣмъ дали возможность узнать, какіе именно элементы во что бы то ни стало должны быть отстранены отъ предстоящей возрождающей работы, какъ элементы, при всякомъ государственномъ строѣ нетерпимые.

Возвращаясь, однако, къ избирательной системѣ, отъ этихъ словъ исходящей, и останавливаясь на опредѣленіи, какими вышними признаками слѣдуетъ опредѣлять тѣ значительные общественные слои населенія, которые могутъ дать Государю пригодныхъ для дѣла сотрудниковъ правительства, мы не можемъ упускать изъ вида искони сложившееся въ народномъ сознаніи представленіе о пригодности человѣка къ мірской службѣ во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ.

Принципъ равенства правъ, безъ связи съ хозяйственной обеспеченностью и хозяйственнымъ творчествомъ, противорѣчитъ искони сложившимся понятіямъ о полноправіи человѣка и чуждъ всему укладу русской жизни.

Искони въ народномъ быту и нынѣ на нашихъ сельскихъ сходахъ правомъ голоса пользуется домовладыка—домохозяинъ, ведущій свое хозяйство, даже если онъ женскаго пола, и теряетъ онъ это право, какъ только перестаетъ быть хозяиномъ съ сдачей своей надѣльной земли, хотя бы по закону онъ и состоялъ членомъ общества. Этотъ же принципъ крѣпкой связи съ мѣстностью или всей страной какимъ-либо прочнымъ интересомъ нашель себѣ выраженіе и въ позднѣйшихъ учрежде-

ніяхъ. Право участія въ выборахъ въ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ поставлено въ зависимость отъ имущественнаго ценза.

Имущество, какъ объектъ приложенія производительнаго труда, какъ несомнѣнный внѣшній признакъ связи не только съ мѣстными, но и государственными и общественными интересами, въ общественномъ сознаніи массы, представляетъ собою незыблемый и устойчивый признакъ гражданской полноправности. Во время нашей свыше сорокалѣтней жизни въ деревнѣ и почти тридцатилѣтней общественной дѣятельности часто приходилось выслушивать отъ крестьянъ—этихъ хранителей національныхъ историческихъ традицій—эту точку зрѣнія ихъ. И въ послѣдніе годы, когда стала въ нѣкоторыхъ кружкахъ возрождаться всесословная волость реакціонеровъ шестидесятыхъ годовъ и либераловъ восьмидесятыхъ, подъ новымъ названіемъ мелкой земской единицы, мы вновь не разъ бесѣдовали съ крестьянами объ этой возвращаемой съ кладбища всесословной волости. На вопросъ о предоставленіи права участія въ дѣлахъ этой самой единицы сельскимъ торговцамъ, прасоламъ, учителямъ, врачамъ и т. п. чужакамъ, не имѣющимъ имущества, крестьяне всегда давали отвѣтъ ясно и опредѣленно, выражающій вѣками выработавшееся народное воззрѣніе на связь понятія о полноправности съ имущественно-производительнымъ, хозяйственнымъ интересомъ. „Отчего его не спросить, если нужно, отвѣчалъ мнѣ крестьянинъ, можетъ что и дѣльное скажетъ, ну, а рѣшать общественныя дѣла онъ не можетъ, потому онъ человѣкъ легкій. Сегодня здѣсь, а завтра, Богъ его знаетъ, куда его метнетъ искать, гдѣ лучше ему; онъ можетъ и хорошій человѣкъ, да для насъ-то онъ въ нашихъ дѣлахъ никтошникъ и отвѣта никакого ни передъ кѣмъ не имѣетъ. Такъ, такъ такъ, а плохо, ну и гайда, и былъ таковъ“. Это удивительное по глубинѣ сужденіе записано мною три года назадъ въ Тамбовской губерніи, со словъ крестьянина. Не въ столь яркой формулировкѣ, но каждый разъ мнѣ

приходилось слышать отъ крестьянъ по существу тотъ же отвѣтъ.

Не ссылаясь даже на то, что по свидѣтельству профессора Латышева „Опредѣленный имущественный цензъ, какъ условіе активнаго выборнаго ¹⁾ права существуетъ въ Австріи, Бельгій, Нидерландахъ, Испаніи, Португаліи, Пруссіи, Швеціи, Норвегіи, Англіи, въ которой съ 1867 года требуется еще и образовательный цензъ“, неустановленіе у насъ имущественнаго ценза для обрѣтенія активнаго выборнаго права противорѣчило бы основнымъ понятіямъ о семъ всего незараженнаго европейскимъ демократизмомъ русскаго населенія.

Такимъ образомъ, первымъ основнымъ положеніемъ должно быть, что *какъ активнымъ, такъ и пассивнымъ выборными правами не могутъ пользоваться лица, не владѣющія опредѣленнымъ въ законѣ имущественнымъ цензомъ и не участвующія за свой страхъ и рискъ въ народно-хозяйственной дѣятельности* для производства и накопленія народнаго богатства. Зависимость зрѣлости мысли и объема практическихъ и всякихъ вообще знаній, а также и политическихъ воззрѣній, отъ возраста человѣка выдвигаетъ вопросъ о возрастномъ цензѣ избирателей и выборныхъ.

Въ дворянскихъ и крестьянскихъ сословныхъ организаціяхъ достиженіе гражданскаго совершеннолѣтія, т. е. 21 года, когда человѣкъ обрѣтаетъ право распоряженія своими имуществами, предполагаетъ его уже достаточно зрѣлымъ для общественной дѣятельности. Въ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ возрастной цензъ повышается до 25 лѣтъ. Но при нынѣшнемъ запоздаломъ окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, для дѣла, требующаго не только книжныхъ знаній, а прежде всего близкаго разумѣнія практическихъ требованій жизни и зрѣлыхъ политическихъ взглядовъ, едва ли не слѣдуетъ повысить возрастной цензъ какъ для активнаго,

¹⁾ Право избирать въ наукѣ называется «активнымъ выборнымъ правомъ», право быть избраннымъ — «пассивнымъ».

такъ и для пассивнаго выборнаго права, опредѣливъ, *что выбирать и быть выборнымъ въ законосовѣщательное учрежденіе не можетъ быть лицо, не достигшее 30 лѣтъ.*

Въ отношеніи образовательнаго ценза едва ли не слѣдуетъ ограничиться требованіемъ только грамотности, потому что большее требованіе имѣло бы послѣдствіемъ отстраненіе отъ пассивнаго выбора крестьянъ, что, какъ мы считаемъ, вполне невозможно и не желательно.

Какъ ни низокъ въ общемъ культурный уровень крестьянства, но въ средѣ его, нѣтъ сомнѣнія, найдется достаточно людей, если и не подготовленныхъ къ законовырабатывающей техникѣ, то во всякомъ случаѣ достаточно разумныхъ и смѣтливыхъ отъ природы, чтобы понимать и усваивать себѣ суть дѣла для освѣщенія его съ точки зрѣнія народнаго сознанія. Кромѣ этого участіе крестьянъ въ высшемъ правительственномъ учрежденіи желательно и въ видахъ того, чтобы они воочію могли убѣдиться въ благожелательныхъ въ отношеніи крестьянъ стремленіяхъ правительства, и служили бы живыми проводниками въ народѣ справедливыхъ и вѣрныхъ представленій о правительствѣ.

Высказываемое съ нѣкоторыхъ сторонъ опасеніе, что крестьяне, попавъ въ центральное правительственное учрежденіе, станутъ доступны воздѣйствіямъ революціонныхъ агитаторовъ, едва ли основательно. Устойчивость ихъ политическаго сознанія вполне гарантируетъ отъ вреда такихъ вліяній, и рискъ таковыхъ гораздо менѣе пользы ихъ участія.

Едва ли нужно доказывать, что первѣйшее требованіе, которое должно быть предъявляемо къ выборному въ высшее законосовѣщательное учрежденіе, *это полная независимость и свобода отъ какихъ-либо обязанностей въ отношеніи частныхъ или правительственныхъ лицъ и учреждений.* Изъ этого истекаетъ, что пассивнымъ выборнымъ правомъ не должны пользоваться лица, состоящія на службѣ по опредѣленію отъ правительства, по выбору сословныхъ или общественныхъ собраній,

а равно по найму въ правительственныхъ или частныхъ учрежденіяхъ, а также состояція ни временной или постоянной службы у частныхъ лицъ или учреждений, въ томъ числѣ, очевидно, и люди по найму, занимающіеся въ видѣ профессіи веденіемъ чужихъ дѣлъ вообще, хотя бы лишь въ правительственныхъ учрежденіяхъ.

Совмѣстительство съ частной службой, недопустимое и почти недопускаемое въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, очевидно, не можетъ быть допускаемо и для выборныхъ представителей, недопустимо оно и для коронной и общественной службы, ибо наносило бы существенный вредъ службѣ и представительству и, кромѣ того, давало бы возможность при веденіи, напримѣръ, чужихъ дѣлъ по профессіи, авторитетомъ *выборнаго* давить на правительственныя учрежденія и лица.

Большая некультурность иновѣрцевъ и доказанное издавна и въ особенности въ послѣдніе мѣсяцы антигосударственное направленіе еврейской культурности исключаютъ всякую возможность предоставленія права иновѣрцамъ быть выбранными въ центральное законосовѣщательное учрежденіе.

Установивъ и перечисливъ, при наличности какихъ условій лицо не можетъ быть избрано въ число выборныхъ въ высшее центральное учрежденіе, опредѣлимъ основные признаки, наличность коихъ должна дѣлать человѣку доступнымъ выполненіе важнѣйшей обязанности несенія Государевой службы. Начнемъ съ опредѣленія тѣхъ общественныхъ группъ, на которыхъ должна лечь обязанность изъ среды своей выставлять выборныхъ для совмѣстной съ правительствомъ работы. Мы уже раньше говорили, что къ дѣлу возрожденія Россіи могутъ и должны быть привлечены первѣе всего тѣ историческія группы, которыя подъ предводительствомъ Царей участвовали въ собираніи и созиданіи Россіи такой, какъ она есть, съ Самодержцемъ, руководящимъ ея жизнью; группы эти—*два земельныя коренныя сословія, затѣмъ духовенство и торговые люди*. Изъ этихъ группъ

однако подлежатъ исключенію всѣ тѣ элементы, которые, утративъ дѣйствительную связь съ основными признаками принадлежности къ этимъ группамъ, сопричислены къ нимъ номинально, только по законамъ о состояніяхъ, какъ, на примѣръ, дворяне или крестьяне, оторвавшіеся отъ земли и утратившіе поэтому право участія въ дворянскихъ собраніяхъ или сельскихъ сходахъ. Если такіе, утратившіе связь съ четырьмя историческими группами элементы подлежатъ исключенію, то съ другой стороны, тѣми же обязанностями—правами должны пользоваться тѣ, не входящія въ составъ основныхъ группъ, части населенія, которыя нынѣ участвуютъ въ творческой работѣ народохозяйственной жизни, для которыхъ спокойствіе и благоустройство, безопасность и могущество Россіи составляютъ необходимое условіе ихъ жизни, и для которыхъ Самодержавіе Царя единственное къ тому средство. Къ числу таковыхъ принадлежатъ на-ряду съ другими хозяйственно-производительными слоями и промышленные слои, способствующіе производству и накопленію народнаго богатства.

На-ряду съ хозяйственно-производительными силами страны нашими обими коренными сословіями—дворянствомъ и крестьянствомъ, торговымъ и промышленнымъ людомъ и руководителями религіозной жизнью всѣхъ этихъ четырехъ элементовъ населенія—духовенствомъ, едва ли не слѣдуетъ привлечь къ нынѣ устанавливаемой новой формѣ Государевой службы также и лучшія научно-просвѣтительныя силы, способныя, подготовленныя свѣтомъ науки озарять и освѣщать нѣкоторыя стороны практической жизни.

Съ ихъ привлеченіемъ въ новое правительственное учрежденіе, таковое представило бы вполне законченную организацію. Учрежденіе это представитъ собою гармоническое сочетаніе всѣхъ творческихъ народныхъ силъ: духовно-нравственныхъ, научно-просвѣтительныхъ, хозяйственно-производительныхъ и торгово-промышленныхъ. Всѣ эти внутреннія производительныя силы объединенныя единствомъ государственно

созидательной цѣли въ гармоническое цѣлое внѣ этого учрежденія ихъ объединяющаго, въ жизни, силою жизни, ея самую издавна вылились въ общественныя группы, крѣпко цементированныя общностью и единствомъ своихъ спеціальныхъ групповыхъ интересовъ, сочетаніе и сумма коихъ представляетъ народо-государственный интересъ.

Такимъ образомъ къ выбору членовъ будущаго законосовѣщательнаго собранія должны быть призваны, во-первыхъ, двѣ вполнѣ опредѣленныя, на землѣ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, сидяція группы, помѣстные землевладѣльцы и земледѣльчающее крестьянство; во-вторыхъ, торговопромышленные люди, преимущественно въ городахъ осѣвшіе и тамъ промышленяющіе торговлею, домостроительствомъ и заводско-фабричными дѣлами, переступающими и за предѣлы городовъ въ уѣзды.

Этими составными частями населенія, составляющими не менѣе 97 проц. всего населенія, опредѣляются всѣ тѣ элементы, которыми государство можетъ безъ опасности, а съ явной пользой для себя, воспользоваться. Отстраненными, не призванными къ Государевой службѣ окажется только во-1-хъ то ничтожное меньшинство, которое отпало отъ перечисленныхъ основныхъ группъ, потеряло связь съ ними, во-2-хъ всѣ тѣ, кто не достигъ возрастнаго ценза, въ 3-хъ тѣ, которые хотя и проживаютъ въ городахъ и уѣздахъ, но не имѣютъ связывающихъ ихъ съ мѣстностью хозяйственно-имущественныхъ интересовъ, а въ 4-хъ всѣ тѣ, кто казенною, общественною или частною службою или родомъ своей дѣятельности лишены полной свободы и независимости мнѣній и дѣйствій, и которые совмѣстительствомъ разныхъ службъ наносили бы вредъ каждой изъ нихъ.

Таковыми оказались бы: дворяне и крестьяне, утратившіе связь съ землей и ея неимѣющіе; торговопромышленные люди, не имѣющіе никакого имущества и за свой счетъ не ведущіе торговопромышленныхъ дѣлъ; чиновники всѣхъ степеней, слу-

жашіе въ правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ; всѣ служащіе по вольному найму въ правительственныхъ, сословныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, сюда относятся всѣ несущіе канцелярскія обязанности, всѣ спеціалисты — техники, врачи, фармацевты, инженеры, учителя, статистики и т. п., равно всѣ прочіе служащіе, управляющіе, приказчики, мастера, прислуга, рабочіе и т. п. Къ этой же послѣдней категоріи должны относиться и адвокаты, имѣющіе профессіей частную службу по веденію чужихъ дѣлъ за деньги по найму.

Если изъ всѣхъ перечисленныхъ исключить чиновниковъ, то окажется, что непризванными къ новой совмѣстной съ правительствомъ службѣ по укрѣпленію государственно-общественнаго строя останутся только всѣ разнаго рода спеціалисты, можетъ быть и свѣдущіе въ своихъ спеціальныхъ профессіяхъ, но вполнѣ невѣжественные въ вопросахъ и дѣлахъ соціально-политическихъ, а тѣмъ болѣе экономическихъ, и которые по этому въ послѣдніе мѣсяцы открыто заявили себя противниками этого строя, къ разрушенію коего они вполнѣ откровенно призывали скопища рабочихъ и недоучившуюся молодежь. Политическая незрѣлость этого рода людей дѣлаетъ ихъ вполнѣ непригодными для цѣлей, намѣченныхъ Высочайшими предначертаніями. Примкнутіе этихъ элементовъ къ забастовочно-бунтарскимъ дѣйствіямъ полуграмотныхъ революціонизированныхъ попомъ Гапономъ толпъ рабочихъ есть лучшее свидѣтельство политическаго недомыслія всей такъ-называемой интеллигенціи, кровожадные и разрушительные инстинкты которой дѣлаютъ ее вполнѣ негодной для трудовъ въ составѣ правительства. Это все тѣ же болѣзненные наросты населенія, изъ среды своей выдвигавшіе крамольниковъ, своею позорною дѣятельностью остановившихъ развитіе реформъ во вторую половину царствованія Императора Александра II; побудившихъ Императора Александра III сосредоточиться на развитіи внѣшняго могущества Россіи внѣ заботъ о внутреннемъ ея строеніи въ духѣ реформъ

его Августѣйшаго Родителя. Нынѣ эти же отщепенцы не чрезъ отдѣльныхъ своихъ членовъ, а всею совокупностью разбросанныхъ крамольныхъ силъ, въ союзѣ съ еврействомъ, всячески стремятся нанести наибольшей вредъ нашей Государственности открытымъ, измѣнническимъ сочувствіемъ нашимъ врагамъ— японцамъ и явными, наглыми, революціонными проявленіями, направленными къ задержанію и извращенію возвѣщенныхъ реформъ, а также сѣяніемъ смуты, разлада и взаимной вражды во всѣхъ слояхъ населенія для ниспроверженія не только нашего государственнаго, но и общественнаго строя. Такъ можно ли же такіе всѣмъ и русской свободѣ враждебные элементы допускать до участія въ государственномъ строительствѣ. Противъ носителей и выразителей такихъ идей государство и населеніе должно вести такую же беспощадную и истребительную войну, какую эти внутренніе враги Россіи ведутъ противъ существующаго государственно-общественнаго строя, а не призывать ихъ къ совмѣстной работѣ съ ненавистнымъ имъ правительствомъ, на что никакія уважающія себя правительство и населеніе идти не могутъ.

Только общественные слои или группы или сословія, имѣющіе историческую, преемственную связь съ собираніемъ русской земли и ея государственнымъ устройствомъ и нынѣ участвующіе въ производствѣ и накопленіи народныхъ богатствъ, могутъ быть пригодны для созидательной государственно-общественной службы. Только эти слои должны и могутъ быть призваны къ служенію чрезъ своихъ выборныхъ лучшихъ людей изъ всѣхъ мѣстностей обширной Россіи, съ ея разнообразными и разнородными мѣстными особенностями и условіями.

Само собою разумѣется, что въ отношеніи числа призываемыхъ изъ каждой мѣстности нѣтъ необходимости установленія строгой математической соотвѣтственности между количествомъ выборныхъ и численностью населенія. Созываются не акціонеры для распределенія между населеніемъ дивидендовъ

предпріятія соотвѣтственно числу выборныхъ. Численность населенія должна отражаться только на числѣ избирателей, а не на числѣ выборныхъ въ центральное учрежденіе, которыхъ должно быть изъ каждой губерніи по одному отъ каждой избирательной группы. Важно, чтобы каждая мѣстность имѣла бы въ будущемъ собраніи выразителя потребностей, пользы и мнѣній, изъ мѣстныхъ особенностей истекающихъ; отъ того, что выразитель этого мнѣнія будетъ выбранъ двумя или тремястами тысячъ людей, достоинство и качество высказываемаго выборнымъ мнѣнія не измѣняется въ зависимости отъ численности избирателей, ибо таковыя опредѣляются не арифметическими величинами, а внутреннимъ содержаніемъ и обоснованностью этихъ мнѣній. Практически удобнѣе, проще и полезнѣе во всѣхъ предстоящихъ организаціяхъ отпираться отъ привычныхъ всѣмъ дѣленій Россіи, по губерніямъ и областямъ, по уѣздамъ, по волостямъ, а не по европейскимъ сложнымъ, запутаннымъ, намъ недоступнымъ системамъ—по округамъ, по спискамъ и т. п. Точно также практически проще, удобнѣе и разумнѣе всѣ избирательныя построенія обосновывать на издавна существующей, выше нами указанной разгруппировкѣ людей, по исторически сложившейся однородности служенія государству, общности своихъ групповыхъ интересовъ, т.-е. по такимъ условіямъ жизни этихъ группъ или раздѣленій населенія, при которыхъ, вслѣдствіе взаимнаго, болѣе или менѣе близкаго знакомства, выборъ достойнѣйшихъ будетъ наиболѣе обезпеченъ.

Въ отношеніи огромной части населенія, нашъ исторически сложившійся, по европействующимъ интеллигентными отщепенцами отрицаемый, сословный строй въ значительной степени облегчаетъ созданіе избирательныхъ организацій; въ отношеніи же остальной части населенія, основой должна служить групповая общность интересовъ, не вылившаяся въ официальныя сословныя формы, въ жизни же однако поддающаяся опредѣленію.

Не малымъ удобствомъ представляется также совпаденіе

въ нѣкоторой части групповыхъ сословныхъ интересовъ съ интересами профессионально имущественными. Наши два коренныя сословія: помѣстное дворянство и земельное крестьянство, двѣ коренныя общественныя группы, имѣютъ нѣкоторые свои спеціально сословные интересы, въ то же время имѣютъ общимъ имъ интересомъ процвѣтаніе сельскаго хозяйства и все съ этимъ связанное, а также и всѣ интересы благоустроенной и безопасной жизни въ деревнѣ; одинаково близки обоимъ и всѣ культурныя мѣстные интересы. Съ интересами этихъ двухъ сословныхъ группъ сливаются и совпадаютъ интересы всѣхъ другихъ разсословныхъ землевладѣльцевъ, не организованныхъ въ обособленную общественную группу. Къ этому разряду, съ точки зрѣнія общихъ всѣмъ интересовъ, примыкаютъ и владѣльцы торгово-промышленныхъ предпріятій въ сельскихъ же мѣстностяхъ. Такимъ образомъ было бы вполне рационально отъ сельскихъ мѣстностей организовать представительство отъ крестьянскаго сословія и отъ владѣльцевъ разнородныхъ недвижимыхъ имуществъ образованіемъ двухъ избирательныхъ съѣздовъ, которые чрезъ своихъ уѣздныхъ уполномоченныхъ, соединенныхъ въ губернское избирательное собраніе, избирали бы по одному представителю отъ губерніи въ центральное учрежденіе.

Такъ легко, просто, скоро и вполне естественно могли бы построиться избирательныя организаціи отъ крестьянскаго сословія и если не отъ сословія же, то отъ группы тождественныхъ интересовъ землевладѣльцевъ всѣхъ сословіи и другихъ хозяйственно-производительныхъ собственниковъ сельскихъ мѣстностей.

Та же схема, вполне совпадающая съ избирательными основаніями земскаго положенія 1864 года, могла бы послужить примѣромъ для организаціи избирательной системы для торгово-промышленныхъ, земле и домо-владѣльческихъ хозяйственно-производительныхъ элементовъ населенія, сосредоточенныхъ не въ сельскихъ, а въ городскихъ мѣстностяхъ. Цен-

зовые представители всѣхъ этихъ въ городахъ проживающихъ интересовъ могли бы въ уѣздныхъ городахъ образовать избирательныя собранія для выбора уполномоченныхъ въ губернское собраніе, составляемое изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ городовъ губерніи, для избранія одного выборнаго отъ городовъ губерніи въ центральное собраніе.

Къ сему слѣдуетъ добавить, что какъ уѣздныя, такъ и городскія избирательныя собранія цензовыхъ выборщиковъ должны быть пополняемы уполномоченными отъ мелкихъ владѣльцевъ, какъ нынѣ это дѣлается въ земскихъ учрежденіяхъ.

Количество уполномоченныхъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ отъ уѣздовъ должно опредѣляться размѣрами и населенностью уѣздовъ и городовъ, подобно тому какъ нынѣ нормируется число губернскихъ гласныхъ отъ каждаго уѣзда въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ.

Въ отношеніи выборныхъ отъ духовенства, въ виду его относительной малочисленности, предстоитъ построить избирательную организацію нѣсколько сложнѣе, начавъ ее съ уѣздныхъ съѣздовъ, настоятелей церкви для выбора уполномоченныхъ въ губернской съѣздъ, но на этомъ не заканчивать, а въ губернскихъ съѣздахъ избрать вторыхъ уполномоченныхъ въ районныя съѣзды уполномоченныхъ отъ духовенства для избранія выборныхъ въ центральное собраніе.

Избирательныя районы для духовенства можно было бы организовать въ зависимости отъ населенности епархіи православными изъ 3, 4 даже 5, 6 губерній.

Число выборныхъ отъ православнаго духовенства могло бы быть пополнено двумя выборными отъ католическаго и по одному отъ армяно-грегоріанскаго и лютеранскаго вѣроисповѣданій. Что касается иновѣрческаго неповѣданія, магометанъ, буддистовъ, талмудистовъ, то едва ли найдутся основанія къ введенію ихъ въ христіанское учрежденіе. Для пополненія будущаго собранія научно-просвѣтительными силами, можно бы было прибѣгнуть къ составленію избирательной коллегіи, изъ ординарныхъ

профессоровъ всѣхъ университетовъ и членовъ Академіи Наукъ для избранія выборныхъ по расчету одного выборнаго отъ Академіи Наукъ и всѣхъ университетовъ. Или же Академіи Наукъ и совѣтамъ университетовъ, составленнымъ лишь изъ ординарныхъ профессоровъ, предоставить избрать по одному выборному отъ каждаго университета и Академіи.

Для этихъ выборныхъ едва ли не слѣдуетъ допустить исключеніе, разрѣшивъ имъ совмѣщеніе должности выборнаго съ профессурою или принадлежностью къ корпораціи академиковъ.

Какъ не полною представляется организація центрального учрежденія, въ которомъ намѣчены выборные отъ крестьянскаго сословія, *землевладѣльческой земельно-хозяйственной группы*, городскихъ элементовъ населенія, духовенства и научно-просвѣтительныхъ элементовъ, но все же такое собраніе еще далеко отъ необходимой полноты. Въ немъ участвуютъ выборные лишь отъ трехъ историческихъ созидательныхъ группъ: отъ крестьянъ, торговыхъ людей и духовенства, четвертая же основная группа — дворянство — издревле служилое сословіе, какъ таковое, не нашло себѣ еще мѣста, оно какъ бы замѣщено въ нашихъ предположеніяхъ *земельно-хозяйственно-производительною* группою настоящаго времени — землевладѣльцами всѣхъ сословіи и состоящій, которые могутъ трактоваться только какъ представители крупныхъ экономическихъ интересовъ, но видѣть въ нихъ искони служилое дворянское сословіе немислимо.

Историческая преемственность традиціи дворянства и перво-степенные государственные интересы характера политическаго требуютъ дополненія намѣченныхъ избирательныхъ организаціи еще выборными отъ собиравшаго русскую землю дворянскаго сословія, какъ таковаго. Его роль въ исторіи Россіи, его испытанная опытность въ государственно-общественныхъ дѣлахъ, его полная самоотверженія сорокалѣтняя дѣятельность въ земскихъ учрежденіяхъ, благотворное участіе въ выработкѣ положенія 19 февраля 1861 года, продолжительная руководи-

тельная и направляющая его дѣятельность въ мѣстной жизни, умѣлое и безпристрастное осуществленіе реформъ Александра второго, издавна пріобрѣтенная опытность въ государственныхъ дѣлахъ на разнообразныхъ поприщахъ, наконецъ, большая сравнительно съ другими общественными группами культурность, все это въ совокупности, дѣлая дворянство сословіемъ болѣе подготовленнымъ для предстоящихъ работъ, создаетъ ему право наравнѣ съ крестьянствомъ на особое представительство, какъ коренного верхняго сословія. Не земельные интересы должно оно только представлять, а нѣчто большее— историческую традицію при несеніи государевой службы. Привычное дворянству и населенію руководство мѣстной жизнью первенствующимъ сословіемъ оправдывало бы вполне такое дополнительное представительство высшаго культурнаго сословія, въ размѣрѣ одного человѣка отъ каждой губерніи.

Выдвигая права дворянства на особое представительство, мы не скрываемъ отъ себя, что современныя демократическія теченія на подкладкѣ вздорнаго принципа эгалитарности такъ сильны, такъ модны и такъ шумливо выкричены, что многіе даже и согласные съ нами не будутъ достаточно мужественны, чтобы смѣло къ намъ примкнуть.

Но если робость эта извинительна въ разговорѣ, въ болтовнѣ въ обществѣ, то вполне непростительна въ серьезномъ государственномъ дѣлѣ, и тѣмъ болѣе неизвинительна для правительства.

Государственное зидительство всегда должно для прочности создаемаго производиться на основѣ исторически сложившихся дѣйствительныхъ явленій или проявленій жизни, на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ и факторовъ, а не на основѣ ходячихъ, можетъ быть и очень распространенныхъ и усиленно распространяемыхъ мнѣній, теорій, утопій.

Правдивая авторитетность мнѣнія вовсе не зависитъ отъ числа голосовъ, его высказывающихъ, а отъ внутренняго его достоинства, отъ исторической правды.

Исторія и жизнь свидѣтельствуютъ съ математической неотразимостью, что общность жизненныхъ условій и обстоятельствъ— всей обстановки человѣка, общность и тождество матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ, общность потребностей и желаній, одинаковая возможность ихъ удовлетворенія, общность цѣлей, задачъ, стремленій, общность образованія или невѣжества, общность привычекъ, короче тождественность, одинаковость стремленій человѣческаго духа и даже тѣлесныхъ потребностей сближаетъ и единитъ людей. Какой бы социальный строй ни существовалъ—демократически ли эгалитарный, или сословный, люди одинаково подѣлятся на группы или классы. Признаетъ ли государство это дѣленіе или не признаетъ, оно все равно будетъ существовать. Ошибочно поступаетъ то государство, которое не признаетъ этого дѣленія, въ особенности въ дѣлѣ организаціи представительства народныхъ интересовъ, потребностей и желаній. Отрицая жизнь, фактическое воплощеніе жизни, смѣшивая всѣхъ въ одну кучу, оно сдѣлаетъ изъ человѣчества безформенную массу, табунъ, стадо, кучу пыли, или же кучу кирпича, камней разныхъ сортовъ, цвѣтовъ, прочности, разной годности для постройки, вмѣстѣ съ никуда негоднымъ мусоромъ.

Неужели же достойно человѣка дѣлать такія свалки вмѣсто архитектурнаго зданія? Все это вѣдь вполнѣ противорѣчитъ жизни, которая распредѣляетъ людей по своимъ законамъ исторической разумной логики. Неразумность же такая допускается и узаканивается доктринерами эгалитарности для важнѣйшаго государственно-народнаго дѣла, для избранія достойнѣйшихъ.

Смѣшанные въ одну кучу избиратели различныхъ общественныхъ положеній, различныхъ образованій, въ жизни отдѣльно сгруппированные въ группы, другъ друга не знающіе, взаимно отдаленные и въ самыхъ выборахъ преслѣдующіе разные цѣли, моментально по окончаніи выборовъ, изъ общей кучи, гдѣ всѣ себя чувствовали одинаково неловко и отчужденно,

возвращаются на свои естественныя мѣста въ жизни. Къ чему же эта, во вредъ дѣлу, недостойная игра въ равенство?

Оно нигдѣ, ни въ чемъ не существуетъ. Нѣтъ въ лѣсу двухъ равныхъ деревьевъ, двухъ равныхъ на деревѣ листьевъ, среди людей двухъ равныхъ дураковъ, двухъ равныхъ умныхъ. Даже и передъ Богомъ люди равны только въ томъ, что равно предстануть передъ судомъ Божиимъ, но и тамъ, кому много дано—съ того много и спросится.

Зачѣмъ же эта нелѣпая фикція равенства на выборахъ? Для того развѣ, чтобы сильный эксплуатировалъ и давилъ для своихъ цѣлей слабого?

Разумное государство, чуждое утопическихъ и нелѣпыхъ принциповъ, провозглашенныхъ французской революціей: свобода (осуществимая лишь при стѣсненіи и насиліи однихъ надъ другими), равенство (при абсолютномъ его отсутствіи въ мірѣ) и братство (когда человѣкъъ человѣку волкъ), должно свои построенія дѣлать не на основаніи утопіи, а на основѣ дѣйствительныхъ жизненныхъ фактовъ. Жизнь подѣлила людей на группы, классы, касты, сословія, государство должно ихъ признавать.

Государственное зданіе, построенное на основахъ жизни, само будетъ жизненно. Каждому строительному матеріалу архитекторъ даетъ и соотвѣтствующее назначеніе, такъ и при государственномъ зидательствѣ каждой общественной группѣ должно быть отведено соотвѣтствующее мѣсто и значеніе, которыя она въ жизни имѣетъ, и назначеніе, къ которому она приспособлена и подготовлена.

Какое намъ дѣло, что въ западной Европѣ не такъ, развѣ мы обязаны перенимать оттуда все, не выключая и ошибокъ, о которыхъ тамъ нынѣ сожальютъ, а поправить не могутъ. Для того Богъ далъ человѣку умъ со способностью наблюдать и распознавать, чтобы не повторять ошибки, дѣлаемыя другими. Лучшіе умы запада, чуждые еврейства, повсемѣстно помогающагося и проповѣдывающаго въ своихъ интересахъ равенство политиче-

скихъ правъ, уже на печальномъ опытѣ своемъ оцѣнили печальныя послѣдствія демократизаціи управленія.

Германія сильна еще своимъ юнкерствомъ, Англія палатою лордовъ, Американскіе же Штаты плутократической аристократіей, верховодящей всѣмъ. Какъ бы властные и не властные поклонники культа западной Европы съ ея демократическими утопіями ни стремились увѣрять, что время общественныхъ группировокъ, исторически вылившихся въ сословія, отжило, жизнь наперекоръ ихъ увѣреніямъ продолжаетъ еще закрѣплять сословную обособленность. Уничтожьте ее въ законѣ, она останется въ жизни,—тогда для чего же ее уничтожать въ законѣ, который долженъ быть отраженіемъ и выраженіемъ жизни. Ее нужно признавать, какъ все существующее, и съ ней нужно считаться и ею пользоваться для государственныхъ цѣлей. Государственная мудрость въ томъ именно заключается, чтобы найти и опредѣлить, кто и какую пользу можетъ принести государеву дѣлу и, найдя, возможно полиціе на потребу государства использовать найденное. При современныхъ обстоятельствахъ наиболѣе подготовленнымъ для предстоящей государственной службы классомъ, группою или сословіемъ является помѣстное дворянство и потому оно и должно быть привлечено въ возможно большемъ объемѣ.

Что изъ того, если въ собраніи выборныхъ оно будетъ многочисленнѣе другихъ сословій, повторяемъ, въ дѣлѣ идетъ не о раздѣлѣ между сословіями, пропорціонально численности населенія, имъ представляемаго, дивиденда съ акцій, рѣчь объ огромной творческой работѣ, къ которой нужно привлекать способнѣйшихъ, а не всѣхъ безъ разбора.

Въ Англіи верхняя палата состоитъ изъ наследственныхъ лордовъ и ничего плохого, кромѣ хорошаго, нѣтъ. А у насъ Государственный Совѣтъ будетъ состоять, какъ уповаемъ, изъ умудренныхъ опытомъ управленія государственныхъ сановниковъ, собраніе выборныхъ — изъ дворянъ, крестьянъ и

представителей всѣхъ другихъ духовныхъ и имущественныхъ творческихъ элементовъ.

Это будетъ не такъ, какъ на западѣ, да вѣдь у насъ задача не воспроизведеніе запада, а созданіе русскаго государственнаго устройства, и чѣмъ болѣе оно будетъ разнствовать съ западомъ, тѣмъ вѣрнѣе приведетъ оно насъ къ нашей цѣли, тѣмъ меньше вѣроятности получить прогнившій западный конституціализмъ.

Возраженіе, что, при такой схемѣ выборовъ, дворяне такимъ образомъ два раза подавали-бы свои голоса, ослабляется и падаетъ, потому что и лица всѣхъ вообще сословіій, съ разнородными интересами и притомъ въ разныхъ мѣстахъ, во всѣхъ же мѣстахъ и въ соотвѣтственныхъ же группахъ будутъ участвовать въ выборахъ.

Пояснимъ примѣромъ: крестьянинъ общинникъ, владѣющій купленнымъ земельнымъ участкомъ и домомъ въ городѣ, три раза будетъ участвовать въ выборахъ: въ крестьянскомъ, землевладѣльческомъ и городскомъ избирательныхъ сѣздахъ. Также происходитъ и въ конституціонныхъ странахъ, гдѣ для избирателей установлены имущественные цензы.

Непредоставленіе дворянскому сословію самостоятельно избирать особливаго представителя дворянства, какъ такового, дѣлало бы необходимымъ установить избирательную схему для выборовъ отъ землевладѣльцевъ въ иномъ видѣ, болѣе обеспечивающемъ неподавленіе дворянства, какъ это уже ранѣе бывало въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ. Въ видахъ огражденія различныхъ общественныхъ группъ отъ подавленія другими на выборахъ, съ точки зрѣнія государственныхъ справедливости и интересовъ, нужно организацію землевладѣльческихъ избирательныхъ коллегій построить на началахъ нынѣ дѣйствующаго земскаго положенія, или же выдѣлить дворянство въ особливую избирательную организацію, которою могло бы быть губернское дворянское собраніе.

Въ первомъ случаѣ владѣльцы сельскихъ недвижимыхъ

имущесть могли бы быть распределены на два отдѣльных сѣзда, отдѣльно выбирающихъ уполномоченныхъ въ губернской сѣздъ для избранія представителя въ центральное учрежденіе. Одинъ уѣздный сѣздъ могъ бы быть составленъ, какъ нынѣ въ земскихъ учрежденіяхъ изъ дворянъ, а другой изъ инословцевъ или разночинцевъ—владѣльцевъ недвижимыхъ имущесть въ уѣздѣ, при чемъ каждый изъ этихъ сѣздовъ самостоятельно выбиралъ бы выборщиковъ въ губернскую коллегію.

Эта послѣдняя организація имѣла бы за себя архитектурную стройность и болѣе отражала исторически сложившуюся группировку по сословіямъ. Но она имѣла бы тотъ недостатокъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ понижала бы политическій уровень выборщиковъ. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ дворянское землевладѣніе очень сократилось, тамъ избраніе достойнѣйшихъ отъ дворянства затруднялось бы; тамъ же, гдѣ сильно развито дворянское землевладѣніе, тѣ же затрудненія испытывали бы разнословцы. Обойти эти затрудненія можно бы было предоставленіемъ этимъ двумъ сѣздамъ права избирать не только изъ своей среды, но и изъ другого сѣзда, представляющаго тѣ же интересы сельск. хоз. производства.

Въ пользу перваго предложеннаго ранѣе построенія избирательной схемы говорить вѣроятный, болѣе высокій культурный уровень выборныхъ отъ сельскихъ мѣстностей.

Дополняя будущее центральное законосовѣщательное учрежденіе выборными отъ наиболѣе культурнаго общественнаго слоя—помѣстнаго дворянства, въ тѣхъ же культурныхъ цѣляхъ необходимо ввести въ будущее собраніе выборныхъ еще и отъ другой, менѣе многочисленной и менѣе испытанной на Государевой службѣ малочисленной группы носителей научнаго просвѣщенія. Для дополненія будущаго собранія сотрудниками правительства изъ числа этихъ носителей чистой науки мы полагали бы полезнымъ добавить по одному ученому мужу отъ Академіи Наукъ и каждаго университета, избранныхъ Акаде-

мією Наукъ, и совѣтами университетовъ изъ числа только ординарныхъ профессоровъ.

Проектируемая избирательная организація была бы однако еще не полна. Существуютъ еще крупные интересы торговыхъ людей, которые требуютъ спеціальнаго представительства: таковы интересы торгово-промышленнаго творчества, раствореніе коихъ въ городскіихъ или сельскіихъ избирательныхъ организаціяхъ дѣлало бы собраніе выборныхъ неполнымъ.

Это дополненіе могло бы быть организовано по двойной схемѣ. Такъ, на нѣкоторые виды промышленности, наиболѣе широко развитшіеся и уже вылившіеся въ особливия, правительствомъ признанныя и закономъ нормированныя организаціи, какъ, на примѣръ, сахарная, мукомольная, желѣзнодорожная, судоходная, металлургическая, горнозаводская и т. п. организаціи, можно возложить обязанность избрать по одному выборному отъ каждой организаціи. Всѣ другіе виды промышленности, не имѣющіе своихъ спеціальныхъ организаціи а также торговля, объединившіеся въ биржевыя организаціи, могли бы быть призваны въ собраніе выборныхъ чрезъ лицъ, избранныхъ биржевыми совѣтами или комитетами изъ своей среды. Само собою разумѣется, что это должно распространяться на биржевые комитеты торговыхъ промышленныхъ центровъ бѣльшаго значенія, какъ, на примѣръ, Москва, Петербургъ, Варшава, Кіевъ, Харьковъ, Саратовъ, или Одесса, Ростовъ-на-Дону, Либава, Рига, Ревель.

Число выборныхъ изъ крупныхъ городскіихъ центровъ какъ Москва, Петербургъ, Кіевъ, Варшава, Одесса, Харьковъ, казалось бы справедливо нѣсколько увеличить удвоеніемъ, или даже утроеніемъ въ зависимости отъ размѣра этихъ городовъ.

Выборная организація бывшаго Царства Польскаго могла бы быть построена на общихъ основаніяхъ, съ тою только разницею, что малый размѣръ этихъ губерній сравнительно съ русскими губерніями давалъ бы основаніе соединять двѣ, три

губерніи въ одну группу для образованія избирательнаго губернскаго съѣзда.

Несмотря на обширность Сибири, ея малая культурность и населенность, всего лишь 5.720,000 душъ обоого пола въ городахъ и селеніяхъ, даетъ основаніе къ сокращенію сравнительно съ Европейскою Россіей числа выборныхъ, и при томъ только отъ крестьянскаго сословія и городовъ, въ избирательныхъ собраніяхъ коихъ должны участвовать и немногочисленные владѣльцы всѣхъ другихъ видовъ имущества.

На тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Сибири, надлежитъ организовать также и выборы на Кавказѣ ¹⁾. При чемъ однако послѣднему могло бы быть предоставлено право избранія выборныхъ отъ дворянскаго собранія. Такимъ образомъ, по количеству населенія соотвѣтственно средней численности населенія губерніи Европейской Россіи (около двухъ милліоновъ душъ, по переписи 1897 года), число выборныхъ отъ Кавказа кромѣ выборныхъ отъ дворянскаго собранія равнялось бы 9 лицамъ, Сибири — 6. Во вниманіе же особливыхъ отношеній этихъ областей къ Россіи и низкой культурности населенія было бы вполне справедливо сократить число выборныхъ, оставивъ этимъ рѣдконаселеннымъ, обширнымъ, съ разноплеменнымъ населеніямъ областямъ одинаковое число по 6 отъ каждой области, съ равнымъ распредѣленіемъ между городами и сельскими мѣстностями.

Финляндія могла бы ограничиться восемью выборными — по два отъ cadaго сословія сейма.

Въ видахъ расширенія круга лицъ, подготовленныхъ къ предстоящей широкой выборной дѣятельности, слѣдуетъ поступиться нѣкоторыми изъ нынѣ существующихъ порядковъ.

Такъ было бы очень полезно разрѣшить крестьянамъ избирать выборщиковъ и даже выборныхъ въ центральное учре-

¹⁾ Низкій культурный уровень Среднеазиатскихъ областей исключаетъ возможность привлеченія ихъ къ участію къ совмѣстной съ правительствомъ работѣ.

жденіе не только изъ числа полноправныхъ домохозяевъ, но и изъ числа неотдѣленныхъ ихъ сыновей, если таковые не оставили коренное занятіе крестьянства и не выбыли изъ дома на другіе промыслы.

Это же право и въ тѣхъ же видахъ слѣдуетъ распространить и на неотдѣленныхъ сыновей какъ уѣздныхъ (сельскихъ), такъ и городскихъ цензовыхъ участниковъ избирательныхъ собраній.

То же право съ большой пользой для дѣла могло бы быть распространено и на нѣсколькихъ неотдѣленныхъ сыновей владѣльцевъ имущества большого размѣра, состоящаго изъ многихъ цензовъ. Съ тѣмъ однако, чтобы число цензовыхъ долей большого имущества было не менѣе числа членовъ семьи, желающихъ воспользоваться выборными правами.

Въ детальномъ развитіи, выборныя организациі казались должны быть въ такомъ видѣ. Для крестьянскаго представительства выборные отъ волостныхъ сходовъ избираютъ уполномоченныхъ въ уѣздную избирательную коллегію, которая въ свою очередь выбираетъ уполномоченныхъ въ губернскую избирательную коллегію, эта послѣдняя избираетъ изъ среды своей одного выборнаго въ центральное учрежденіе.

На избирательномъ съѣздѣ, составленномъ изъ цензовыхъ землевладѣльцевъ всѣхъ сословіи и уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, избираютъ уполномоченныхъ въ губернской изъ прательный съѣздъ для избранія одного выборнаго по губерніи; или же по другой схемѣ, если представитель дворянства не будетъ избираться отъ губернскаго дворянскаго собранія, какъ такового, то вышесказанные съѣзды землевладѣльцевъ раздѣляются на два: на съѣзды землевладѣльцевъ-дворянъ и не дворянъ и далѣе, какъ въ первомъ случаѣ.

Городскія избирательныя собранія для указанія уполномоченныхъ для выбора въ губернскую коллегію, составленную изъ уполномоченныхъ всей губерніи, организуются на тѣхъ же основаніяхъ какъ и для выбора гласныхъ думы. Губернскойіи

съѣздъ городскихъ уполномоченныхъ избираетъ одного выборнаго отъ городовъ губерніи въ центральное учрежденіе.

Организація выборовъ духовенства должна быть нѣсколько-степенная и начинаться съ уѣздныхъ съѣздовъ настоятелей, должна возвыситься до раіонныхъ. Что касается до выборныхъ отъ чернаго духовенства, то такая организація должна быть выработана св. синодомъ, если сіе будетъ признано необходимымъ.

Выяснивъ общія начала, на которыхъ должна основываться избирательная организація для избранія выборныхъ въ предуказанное Высочайшимъ рескриптомъ законсовѣщательное собраніе, намѣтивъ схему выборовъ, мы должны остановиться нѣсколько на тѣхъ соображеніяхъ, которыя привели насъ къ опредѣленію числа выборныхъ по губерціямъ, по одному выборному отъ каждой общественной группы.

Устранять выборную организацію по образцамъ Западной Европы съ раздѣленіемъ Россіи на избирательные округа какого бы то ни было размѣра, безъ соотношенія къ привычному административному дѣленію, мы считаемъ едва ли осуществимою фантазіей, и потому отправляемся отъ существующаго дѣленія на губерніи, уѣзды, волости.

Неравномѣрность губерній въ отношеніи пространства и населенности не есть еще основаніе къ опредѣленію разнаго пропорціональнаго числа выборныхъ. Такой арифметическій способъ не нуженъ и несуществимъ при нашей рѣдкой населенности, кромѣ того, губернское представительство выражалось бы единицами съ дробями въ однихъ случаяхъ и только дробями въ другихъ, если бы мы вздумали опредѣлять число представителей пропорціонально населенію.

Но что всего важнѣе, что это вовсе и не нужно, въ виду того, что будущее собраніе созывается не для постановленія рѣшеній, а для представленія своихъ мнѣній Царю. А при такомъ условіи количество голосовъ, т.-е. большинство или меньшинство, не можетъ и не должно имѣть какого-либо обя-

Отъ Петербургскаго	2
„ Варшавскаго	} 10
„ Кіевскаго	
„ Одесскаго	
„ Ростова на Дону	
„ Либавскаго	
„ Рижскаго и другихъ	} 6
„ Сибири,	
„ Кавказа	6
„ организованныхъ союзовъ промышленныхъ предпріятій:	
„ Желѣзодѣлательнаго	} 8
„ Горнозаводскихъ	
„ Желѣзнодорожныхъ	
„ Сахарнаго	
„ Нефтянаго и другихъ	} 3
„ губерній бывшаго Царства Польскаго:	
„ помѣстнаго дворянства	
„ крестьянскаго сословія	
„ разпосословныхъ землевладѣльцевъ	
„ городовъ	
„ Финляндіи	
Всего около	291

Съ прибавленіемъ къ этому Министровъ или лицъ ихъ замѣняющихъ, образуется собраніе свыше 300 членовъ, т.-е. такое количество членовъ, при которомъ едва возможно сколько-нибудь серьезное обсужденіе дѣла, а тѣмъ болѣе при полномъ отсутствіи опытности въ будущемъ собраніи. При числѣ большемъ, хотя бы вдвое, съ перваго же дня исчезнетъ дѣловой характеръ собранія, которое неминуемо выродится въ западно-европейскій парламентъ-говорильню, въ практикованіе всякихъ компромиссовъ и соглашеній, при крайней трудности руководства занятіями такого сборища. Даже и очень культур-

ные люди, собранные въ массу, превращаются въ толпу со всѣми ея недостатками, исключаящими серьезность и дѣловитость занятій.

V.

Общественная мысль не въ малой степени озабочена вопросами о томъ, какое положеніе среди существующихъ государственныхъ учрежденій займетъ собраніе избранныхъ представителей. Высочайшій рескриптъ 18 февраля не даетъ никакихъ указаній относительно этого. Видимо, что это подлежитъ выясненію и опредѣленію совѣщанія, этимъ же рескриптомъ учрежденнаго. Незвѣстность эта даетъ поводъ къ разнообразнымъ толкамъ и естественно побуждаетъ общественную мысль разобраться въ этомъ вопросѣ большой важности.

Но это отсутствіе указаній не можетъ однако служить поводомъ къ предположенію, что новое учрежденіе, по идеѣ своей напоминающее Московскій періодъ, будетъ построено по западнымъ шаблонамъ.

Россія по своей обширности и многолюдности не есть только страна, это цѣлый міръ, заселяющій одну пятую часть планеты, и потому сравнительно маленькія государства Европы не должны ей служить образцами.

Россія имѣетъ право на свое самобытное, не похожее на другихъ, государственное устройство.

Вотъ что нужно всегда помнить при сужденіяхъ о способахъ осуществленія Высочайшихъ предначертаній 18 февраля, выраженныхъ въ манифестѣ и рескриптѣ.

Правильности представленій нашихъ о системѣ выборовъ и объ организаціи высшаго законосовѣщательнаго учрежденія мѣшаетъ то, что во всѣхъ нашихъ сужденіяхъ объ этомъ мы постоянно отъправляемся отъ западно-европейскихъ образцовъ и не можемъ освободиться отъ подражанія, не можемъ внѣдрить въ себя сознаніе, что въ государственныхъ учрежденіяхъ каждаго народа должна выражаться народная индивидуальность— самобытность.

Мы все полагаемъ, что созывъ выборныхъ есть приближеніе къ народовластію, къ раздѣленію Царской власти между Царемъ и народными представителями, какъ на западѣ.

Нужно поставить вопросъ иначе и тогда рѣшеніе становится легче и проще.

Въ народномъ сознаниіи. Царская власть имѣетъ чисто мистическое происхожденіе: Самодержецъ, Помазанникъ Божій, отъ Бога получившій власть; „Богъ есть царь небесный, Царь есть Богъ земной“, говоритъ народъ. Самодержавный Царь это народный культъ. При такихъ обстоятельствахъ нельзя вѣдь и толковать объ ограниченіи безграничной, по народному представленію, Самодержавной власти; не разъ мы уже говорили, что народъ этого не потерпитъ, не допуститъ. А если такъ, то будущее собраніе выборныхъ будетъ ничто иное, какъ новое дополнительное правительственное учрежденіе, имѣющее задачей облегченіе Царю управления страной, соотвѣтственно дѣйствительнымъ народнымъ пользамъ и нуждамъ. Повторяемъ, труды выборныхъ въ этомъ учрежденіи не будетъ пользованіе правами, а лишь обязанностью отбыванія Государевой службы, народной повинностью—выставлять лучшихъ людей для выполненія обязанностей по этой Государевой службѣ.

Въ правительственномъ построеніи измѣнится только то, что одна часть правительственнаго аппарата будетъ пополняться не движеніемъ по табели о рангахъ, а по выбору населенія. Этимъ опредѣляется и избирательная система, которая должна быть такъ организована, чтобы она всего болѣе обеспечивала бы жизненность, содержательность и крѣпость Самодержавія. Очевидно, что только наиболѣе соотвѣтственные элементы страны должны быть призваны къ отбытію этой новой повинности.

Организація же высшаго собранія выборныхъ, „*избранныхъ отъ населенія къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній*“, должна быть такова, чтобы выборные, неся Государеву службу, могли наилучшимъ образомъ исполнять обязанности, на нихъ возлагаемыя,

по „совмѣстной работѣ съ правительствомъ“. Нужно постоянно помнить, что призывъ выборныхъ не есть переходъ къ народо-властию, къ конституціонному режиму по западнымъ образцамъ, столь желанный евреюству и оторвавшимся отъ народа русскимъ западникамъ, а это только конечное развитіе со временъ Грознаго установившагося примѣненія выборнаго начала въ Государевой службѣ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. До Императора Александра II это выборное начало находило себѣ примѣненіе даже въ судахъ первыхъ двухъ степеней, а также и полиціи. Нынѣ въ виду доказанной непригодности чисто бюрократическаго правительственнаго аппарата, явилась необходимость исправленія этого аппарата примѣненіемъ и въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ выборнаго начала, для усовершенствованія и укрѣпленія незыблемаго въ народномъ сознаніи истиннаго Царскаго Самодержавія, нынѣ искаженнаго самовластіемъ высококомѣрной, не связанной съ жизнью бюрократіи. Отказавшись отъ подражанія западу, усвоивъ себѣ твердо мысль о необходимости Самодержавія, о призывѣ выборныхъ для совмѣстной съ правительствомъ Государевой службы, не трудно прійти къ правильнымъ выводамъ о построеніи новаго дополнительнаго законосовѣщательнаго учрежденія и объ опредѣленіи его обязанностей по той роли, которая предстоить этому учрежденію.

Относительно организаціи и мѣста собранія выборныхъ среди другихъ правительственныхъ учрежденій циркулируютъ два мнѣнія. Одни полагаютъ, что учрежденіе это должно слиться съ Государственнымъ Совѣтомъ, иначе выражаясь, — нынѣшній Государственный Совѣтъ долженъ быть пополненъ выборными людьми.

Другіе полагаютъ, что выборное собраніе должно быть поставлено совершенно отдѣльно, рядомъ съ Государственнымъ Совѣтомъ, т.-е., по западно-европейской терминологіи, выборное собраніе должно замѣнять собою нижнюю палату, Государствен-

ный же Совѣтъ—верхнюю палату. Впрочемъ существуетъ и еще одно мнѣніе, ведущее генеалогію высшаго центрального учрежденія отъ мелкой земской единицы. Оно созидаетъ свой Государственный Земскій Совѣтъ не отдѣльно отъ Государственного Совѣта и не слитно съ нимъ, а просто предназначаетъ ему упраздненіе. Инициаторы этого проэкта забываютъ про то, что рѣчь идетъ объ усовершенствованіи существующаго законосовѣщательнаго аппарата дополненіемъ его собраніемъ выборныхъ, а вовсе не о созданіи новаго аппарата для замѣны снесеннаго революціею. Въ виду практической неосуществимости предложеннаго ими Государственного Земскаго Совѣта, при наличіи еще непрерываннаго Самодержавнаго строя; мы устранимся отъ обсужденія этого идущаго изъ Москвы построенія. Еще разъ вспомнимъ лишь, что примѣръ сходныхъ организацій изъ большихъ государствъ даетъ только Франція, имѣвшая единое учрежденіе—Генеральныя Штаты, собравшіяся 5 мая 1789 года и 17 іюня превратившіяся въ единое національное собраніе, въ той же Франціи единое собраніе было учреждено республиканскою конституціею 4 ноября 1848 года, но и тамъ отказались отъ такого построенія.

Сторонники перваго мнѣнія въ введеніи выборныхъ въ составъ Государственного Совѣта усматриваютъ лучшую гарантію того, что собраніе выборныхъ не превратится въ учредительное собраніе или же въ нижнюю палату западно-европейскаго образца, съ той же компетенціей, какою эти палаты пользуются въ странахъ конституціонныхъ. Кроме того, они полагаютъ, что совмѣстная работа разнородныхъ, взаимополняющихъ государственныхъ дѣятелей будетъ болѣе плодотворной и законченной.

Впрочемъ, въ средѣ сторонниковъ этого мнѣнія есть и отгѣнки. Одни допускаютъ полное сліяніе съ распредѣленіемъ выборныхъ членовъ по департаментамъ и въ общее собраніе Государственного Совѣта. Другіе предполагаютъ, не измѣняя нынѣшній составъ департаментовъ, выборными пополнить лишь

общее собраніе, которому, такимъ образомъ, будетъ принадлежать роль лишь критикующая, а не творческая, которая при нашемъ бюрократизмѣ всего болѣе необходима.

Сторонники образованія особливоі законовырабатывающей коллегіи изъ однихъ выборныхъ, при сохраненіи Государственнаго Совѣта такимъ, какимъ онъ есть нынѣ, оспаривая противоположное мнѣніе, исходятъ изъ того же основанія—неприкосновенности Самодержавной власти во всей ея полнотѣ. Одинаково стремясь къ охранѣ Самодержавія, какъ единственной формы правленія, могущей удержать объединенную Россію отъ распаденія и обезпечивающей странѣ свободу и охрану отъ всякихъ насилій конституціализма, они утверждаютъ, что именно сліяніе представляетъ наибольшія опасности наступленія тѣхъ обстоятельствъ, предотвращеніемъ коихъ всего болѣе озабочены сторонники сліянія. Такъ, на примѣръ, при возникновеніи какихъ-либо коллизій не только между верховной властью и выборнымъ собраніемъ, но даже между нимъ и правительственными членами, могутъ наступить такія обстоятельства, при которыхъ верховная власть окажется въ необходимости распустить выборныхъ до новаго выбора, а при несоотвѣтствіи и второго выбора, вновь распустить собраніе на неопредѣленное время. Въ этихъ обстоятельствахъ при раздѣльности двухъ коллегій, Государственный Совѣтъ будетъ продолжать свою дѣятельность, при слитности же Государственный Совѣтъ перестанетъ существовать какъ таковой, вслѣдствіе выбитія членовъ; и тогда государственный аппаратъ окажется безъ важной составной части своей.

Нельзя также не имѣть въ виду, что при слитности этихъ учрежденій совмѣстная въ одной коллегіи работа двухъ разнородныхъ группъ людей, съ различными точками зрѣнія, очевидно не давала бы полнаго желаннаго результата.

Неизбѣжно, дѣятельность одной группы поглощалась и покрывалась бы дѣятельностью другой; болѣе многочисленная обезцвѣчивала бы менѣе многочисленную, тогда какъ перво-

степенный государственный интересъ требуетъ, чтобы на благозарѣніе верховной власти дѣла представлялись возможно полно и всесторонне освѣщенными. Въ этомъ вѣдь собственно и смыслъ выборныхъ отъ населенія. Въ наукѣ государственнаго права вопросъ о двухъ коллегіяхъ, верхней и нижней, большинствомъ изслѣдователей для конституціонныхъ государствъ рѣшается въ пользу двухъ палатъ. Въ пользу этого же мнѣнія говоритъ и практика.

Особенно ярко необходимость системы раздѣльности избраній выборныхъ отъ Монархомъ назначенныхъ выражена нѣмецкимъ ученымъ Винтеромъ, коротко формулирующимъ эту мысль: „верхняя палата выражаетъ государственную мудрость, а нижняя—народную волю“, добавимъ отъ себя—народныя желанія и нужды. Въ гармоническомъ сочетаніи этихъ двухъ началъ для Верховной власти, какъ и для страны, высшая гарантія того, что всѣ представленія, дѣлаемая верховной власти, будутъ наиболѣе полно отвѣчать всѣмъ разнороднымъ интересамъ государства и населенія.

Творческія работы выборныхъ отъ населенія, направленные на удовлетвореніе потребностей населенія, будутъ подвергаться пересмотру и переоцѣнкѣ людей, умудренныхъ государственнымъ опытомъ, съ точки зрѣнія согласованія ихъ съ государственнымъ интересами. Въ Россіи—странѣ со столь разнородными интересами населенія, такая переоцѣнка работъ выборныхъ людей, особенно необходима, въ видахъ огражденія отъ подавленія интересовъ однѣхъ частей или группъ государства другими. Поэтому выдѣленіе въ особливую коллегію людей большого опыта въ управленіи государствомъ особенно необходимо для того, чтобы облегчить Самодержцу тяжелую задачу оцѣнки представленій, исходящихъ отъ собранія выборныхъ, хорошо освѣдомленныхъ въ мѣстныхъ дѣлахъ и интересахъ, но малоопытныхъ въ дѣлахъ государственныхъ.

Высказываясь рѣшительно за раздѣльность двухъ разнородныхъ коллегій, мы полагаемъ, что слитность ихъ, грозя опас-

ностью остановки правильного теченія дѣль въ странѣ, нисколько не обезпечиваетъ отъ возможности превращенія собранія выборныхъ въ учредительное или въ нижнюю конституціонную палату. Отъ слитности или отъ раздѣльности этихъ двухъ коллегій никоимъ образомъ не можетъ зависѣть наступленіе той или другой изъ предусматриваемыхъ опасностей, при современныхъ условіяхъ, преданности Верховной Самодержавной власти 97—99% всего населенія и войскъ, при признаніи всею этою громадою только Самодержавнаго Царя законною и Богомъ установленною властью. Наступленіе этихъ опасностей зависить исключительно отъ твердости и рѣшимости Верховной власти и ея правительства. Всякая попытка коренного измѣненія нашего государственнаго строя, вопреки волѣ Самодержца, легко можетъ быть подавлена обращеніемъ Верховной власти къ народу и войскамъ. Обѣ эти колоссальныя силы, даже каждая врозь, легко избавятъ страну отъ западно-европейскихъ болѣзненныхъ наростовъ, коверкающихъ русскую жизнь. Задача выборныхъ людей возвратить Россію на путь самобытнаго національнаго развитія, а не доковеркованіе до конца нашей государственной жизни по западно-европейскимъ шаблонамъ, обѣщающимъ Россіи тиранію парламентарнаго большинства въ лицѣ нынѣшнихъ его защитниковъ, не отдѣляющихъ русскихъ людей отъ враждебнаго имъ, какъ и всему христіанскому міру, еврейства.

По глубокому нашему убѣжденію, для Россіи, для ея государственнаго строя опаснѣе не слитная или раздѣльная форма законосовѣщательнаго учрежденія, имѣющаго задачей единеніе Царя съ народомъ, а самый личный составъ будущаго выборнаго собранія. Составъ же этотъ при современныхъ обстоятельствахъ вполне опредѣляется избирательною системою. Вотъ гдѣ центръ тяжести.

Организуйте выборы по системѣ резолюціи, провозглашенныхъ разными крайними собраніями, т.-е. по системѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ, съ полнымъ

разгуломъ выборной агитаціи, то что останется отъ современнаго государственнаго общественнаго строя? Хотя можетъ случиться и другое.

Преданный Царю народъ можетъ прислать такихъ представителей, которые, сохранивъ Самодержавіе, снесутъ всё образованные слои, начавъ съ г.г. западниковъ.

Идея обоснованія выборнаго представительства на мелкой земской единицѣ въ сущности не далеко отходитъ отъ идеи всеобщей подачи голосовъ. Эта послѣдняя предоставляетъ выборное право и уличному хулигану, милостынею или преступленіемъ добывающему деньги на выпивку и развратъ. А при мелкой земской единицѣ электоральное право покупается уплатою въ пользу земства лишь одного рубля или около того. Въ сущности это тоже всеобщая подача голосовъ съ устраненіемъ девяти десятыхъ крестьянъ отъ выборовъ. Поэтому конечные результаты и въ томъ и другомъ случаѣ будутъ очень близки.

Едва ли не болѣе пагубные результаты получились бы, если бы правительство вняло голосу Бѣлокаменной — Москвы — сердца Россіи и по проекту ея городской управы и комиссіи общихъ вопросовъ вздумало бы осуществить ихъ непродуманныя построенія. Судя по газетамъ, по этому проекту Государственный Совѣтъ предполагается упраздненнымъ (кѣмъ, Государемъ или революціей?). Учреждаются двѣ палаты. Нижняя пополняется выбранными непосредственно отъ населенія, конечно, по системѣ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ; верхняя же пополняется оттуда же избранниками существующихъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, т.-е. земскихъ и городскихъ, реформированныхъ на демократическихъ началахъ. Въ такомъ построеніи есть все: либерализмъ и социализмъ и демократизмъ и даже революціонныя вожделнія — всё измы нашли себѣ выраженіе. Недостаётъ только разума и практическаго пониманія жизни и обстоятельствъ, не хватаетъ хотя бы только общихъ понятій о государственномъ правѣ, о государственномъ устройствѣ въ западно европейскихъ

государствахъ и объ исторіи этихъ государственныхъ устройствъ. Эти-то послѣдніе пробѣлы и опредѣлили достоинство этого проекта и освобождаютъ всѣхъ, а въ томъ числѣ и насъ, отъ траты времени на обсужденіе подобныхъ письменныхъ изложеній, свидѣтельствующихъ о полномъ отсутствіи въ нашемъ образованномъ обществѣ и общественныхъ дѣятеляхъ политическихъ программъ, вытекающихъ изъ русской дѣйствительной жизни. Если въ столицахъ могутъ гордиться такой... ¹⁾, то что же можетъ написать провинція? Впрочемъ, виновать, извиняюсь передъ провинціей, тамъ болѣе практическихъ знаній, разумѣнія и пониманія жизни и даже научныхъ знаній и тамъ люди болѣе свободны отъ гнета всякаго туманно-либеральнаго вздора. Тамъ нѣтъ трибуны и печати, оповѣщающей міръ, что вотъ, молъ, въ Москвѣ какіе есть европейцы, передъ которыми настоящіе европейцы только жалкіе пигмеи социаль-демократизма и анархіи.

По социаль-демократическимъ узорамъ, по канвѣ свободы, равенства и братства москвичи чернилами изобразили государственное зданіе; что имъ до того, что зданіе это не находится въ связи съ историческимъ прошлымъ Россіи, что нѣтъ органической связи съ настоящимъ и съ основными принципами государственнаго права. Это все мелочь, ненужныя подробности, главное сдѣлано—проектъ либераленъ, что до того, что онъ негоденъ, авторы вѣдь сами знаютъ, что ихъ мысли неосуществимы. Отчего не поиграть въ учредительное собраніе, вѣдь полиція не разгоняетъ. А что отъ этого проекта пострадала бы Россія, ну, что имъ Гекуба и что они Гекубѣ?

Хорошая сторона Высочайшаго указа Сенату 18 февраля сего года та, что не развяжи онъ уста всѣмъ, обладающимъ способностью говорить, міръ не узналъ бы настоящую валюту политическихъ вождельній нашихъ либераловъ. Теперь они допущены на биржу, въ котировку, цѣна имъ опредѣлилась.

¹⁾ Изъ уваженія къ Первопрестольной воздержимся отъ существительнаго.

Таковы измышления *Assemblée constituante* при московской городской управѣ. Небезынтересно противопоставить имъ сужденія окончившаго курсъ въ московскомъ университетѣ, гордящагося своимъ происхожденіемъ, крестьянина А. М. Паршина, несмотря на измѣнившееся социальное и имущественное его положеніе, ежегодно посѣщающаго родную деревню, чтобы не утратить съ нею связи. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ онъ въ своемъ интересномъ трудѣ „Соціологическій этюдъ“. Эволюція правящихъ органовъ и значеніе дворянства современной Россіи“:

„Россія страна по преимуществу государственныхъ ломокъ, которыя, вытекая сверху, часто идутъ въ разладъ съ народнымъ духомъ. Населеніе приспособляется къ этимъ ломкамъ всевозможными способами. Я считаю такое положеніе дѣль крайне разорительнымъ. Правильное разрѣшеніе вопроса должно состоять въ спокойномъ изученіи уже существующихъ учрежденій, съ которыми уже сжился народъ. Поэтому, чтобы выйти изъ неудовлетворительнаго состоянія современной Россіи съ наименьшими тратами, надо поставить твердо вѣхи идеальныхъ формъ государства и, исходя изъ наличныхъ существующихъ формъ въ этомъ направленіи, дать движеніе государственно-соціальнымъ процессамъ. Къ ломкѣ же прибѣгать только въ случаѣ полной непригодности существующаго, всегда памятуя, что суть дѣла лежитъ не столько въ формахъ, сколько въ характерѣ наличныхъ индивидуально-семейныхъ элементовъ государства и въ постановкѣ условій ихъ дѣятельности. Въ настоящее время въ нашемъ государствѣ существуетъ органическій порокъ—отсутствіе прямыхъ путей общенія жизни съ государственной центральной властью, а между тѣмъ въ предводителяхъ дворянства мы имѣемъ хорошій путь, если, реорганизовавъ дворянство, сдѣлать его предводителя избранникомъ не только своего сословія, но также земства и городовъ. Въ уѣздахъ и губерніи такіе предводители дворянства должны представлять тѣ посредствующіе органы, чрезъ которые непосред-

ственно вливались бы все волны народной жизни в центр Верховной власти. Представители этих волн жизни должны по-полнять Государственный Совет, и разногласия между бюрократией и земскими и городскими общественными учреждениями должны направляться в высшие центральные органы не через губернаторов, а через этих же представителей, с заключением в духе нужд народа. Сдѣлавъ такой контакт, или соприкосновение с жизнью, центральная власть получитъ богатый материалъ для выполнения культурныхъ задачъ, которыя окружили правящій механизмъ плотною стѣною и ждутъ живой воды... Такимъ образомъ, элементы дворянскаго сословія могутъ со-служить хорошую службу Россіи в двухъ указанныхъ направле-ніяхъ: во внутренней жизни общенія продуктивныхъ сословіи между собой и в государственной организаціи, образуя изъ себя пути общенія волнъ народной жизни с централь-ной властью. Такъ думаетъ и пишетъ образованный крестья-нинъ, черпающій свою политическую мудрость изъ глубинъ на-родной жизни, заботясь только о томъ, чтобы найти народную правду, безъ всякихъ помысловъ о томъ, что скажутъ о его воззрѣніяхъ либералы или консерваторы. Не погоня за деше-выми лаврами популярности руководила авторомъ этюда в его историческихъ, практическихъ и философскихъ изслѣдова-ніяхъ. в которыхъ видна только погоня за правдой и истиной. Вотъ это-то знаніе жизненной правды и стремленіе къ истинѣ и побудило крестьянина возлагать упованія на дворянство. По-гоня же за лаврами либерализма къ сожалѣнію побуждаетъ родовитыхъ и даже титулованныхъ дворянъ, вопреки жизнен-ной правдѣ, бросаться в объятія демократизма. Свыше соро-калѣтнее изученіе жизни в самомъ горнилѣ жизни, на разно-образныхъ попрощахъ сословно и земско-общественной и бюро-кратической дѣятельности, побуждаетъ и насъ съ полной убѣ-жденностью и отвѣтственностью за сказанное, безъ страха пе-редъ упреками в обскурантизмѣ настаивать на особливомъ при-зывѣ в высшее законосовѣщательное учрежденіе особыхъ вы-

борныхъ отъ дворянскихъ собраній. Не вдаваясь въ отдаленныя историческія перспективы, вспомнимъ лишь, что со временъ Великой Императрицы Екатерины II, свыше столѣтія, дворянство чрезъ своихъ выборныхъ предводителейъ безвозмездно несетъ отвѣтственную повинность руководства мѣстной жизнью и мѣстными правительственными и общественными учрежденіями. На своихъ плечахъ дворянство и его предводители вынесли и провели въ жизнь всѣ реформы истекшаго полулѣтка, дѣйствуя все время безъ тѣни какой-либо власти, а только силою авторитета своего. Такъ въ правѣ ли правительство и страна, при наличности такой исторической и жизненной правды, только въ угоду модѣ и смутѣ не привлечь выборныхъ дворянства къ новой Государевой службѣ? Отъ непризыва дворянства потерпитъ не оно, а все государство, вся страна. Вотъ по какимъ еще соображеніямъ дворянскія собранія должны, обязаны прислать своихъ выборныхъ въ новое высшее учрежденіе, несмотря на участіе помѣстнаго дворянства въ избраніи выборныхъ отъ землевладѣльцевъ.

Даже въ Западной Европѣ, гдѣ выборныя собранія исторгались населеніемъ у королей, и не для законосовѣщательныхъ, а законодательныхъ задачъ и для участія въ управленіи, и тамъ всегда начинали съ представительства имущественно-цензового, и начало это и донынѣ сохранено въ большинствѣ конституціонныхъ государствъ. Поэтому все вниманіе должно быть нынѣ сосредоточено на правильной и политически-цѣлесообразной организаціи выборовъ. Въ этомъ центръ тяжести. Что же касается до слитности и раздѣльности двухъ законосовѣщательныхъ коллегій, то этотъ вопросъ долженъ рѣшаться безъ всякихъ соображеній о какихъ-либо опасностяхъ, представляющихся намъ во всякомъ случаѣ очень преувеличенными. Раздѣльность должна быть признана какъ основное начало по соображеніямъ цѣльности и гармоніи въ вопросѣ государственнаго управленія.

Центральное учрежденіе, составленное изъ выборныхъ, не

должно замѣнять собою нынѣшній Государственный Совѣтъ или его попомѣять, а должно вылиться въ особое собраніе служилыхъ людей, отъ земли выбранныхъ, и носить наименованіе, наиболее приличествующее его задачамъ освящать пути Царскаго правленія — Государева Дума. Этого наименованія мы и будемъ придерживаться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Здѣсь мы вернемся нѣсколько назадъ къ вопросу объ участіи дворянскихъ собраній чрезъ своихъ выборныхъ въ законосовѣщательномъ учрежденіи. Какъ бы враждебно и отрицательно ни относилась такъ-называемая интеллигенція, часть печати и вообще либералы къ дворянству, мы все же полагаемъ, что дворянство представляетъ собою общественный слой, наиболее подготовленный къ совмѣстной съ правительствомъ работѣ. Это вѣдь историческій фактъ, что почти только изъ дворянства составленное правительство первой половины царствованія Императора Александра II изготовляло реформы его царствованія, ихъ осуществляло и проводило въ жизнь. Съ половины восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія роль родового дворянства въ центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ стала суживаться и замѣщаться разносословцами. Въ мѣстныхъ же учрежденіяхъ, вслѣдствіе умственного и нравственного превосходства, знанія жизни и долготѣней связи съ населеніемъ, дворянство и понынѣ занимаетъ первенствующее положеніе.

Наличность этихъ обстоятельствъ, какъ и все прошлое дворянства заставляютъ заботиться объ особливомъ его участіи въ центральномъ законосовѣщательномъ учрежденіи. Наставая на этомъ, мы не можемъ однако не опасаться, что, подъ вліяніемъ нынѣшнихъ модныхъ демократическихъ теченій, современные наши руководители общественной жизни, несмотря на основательность, разумность и справедливость нашихъ пожеланій, не найдутъ въ себѣ необходимыхъ характера, воли и смѣлости идти противъ пустого, но моднаго демократическаго теченія. Поэтому у нихъ можетъ не хватить смѣлости рѣзко и рѣши-

тельно выступить за осуществленіе нашей мысли, вслѣдствіе чего Высшее центральное учрежденіе можетъ лишиться наиболѣе подготовленныхъ сотрудниковъ. Опасеніе за такую несчастливую возможность побуждаетъ насъ, въ случаѣ ея возникновенія, настаивать на включеніи выборныхъ отъ дворянскихъ собраній если уже не въ Государеву Думу, то во всякомъ случаѣ въ Государственный Совѣтъ, въ который они внесли бы недостающее тамъ знаніе дѣйствительной жизни и способствовали бы гармоническому единенію обонхъ высшихъ, хотя и разнородныхъ, законосовѣщательныхъ учреждений.

Одно изъ вреднѣйшихъ условій западно-европейскихъ конституцій—это одновременное, хотя и періодическое обновленіе всего состава выборныхъ палатъ. Это обстоятельство ведетъ къ отраженію на личномъ ихъ составѣ случайныхъ, временныхъ теченій, вѣяній и вліяній. А это въ свою очередь ведетъ къ неустойчивости и колебаніямъ въ направленіи всей политики страны, что конечно самымъ вреднымъ образомъ отзывается на всей жизни населенія. Нынѣ мы на себѣ испытываемъ всѣ отрицательныя достоинства колебаній и неустойчивости. Кромѣ того одновременность выборовъ сразу нарушаетъ правильное теченіе жизни всей страны, распаляетъ страсти и приводитъ все населеніе въ состояніе взаимной борьбы, т.-е. въ то состояніе, которое вполне исключаетъ спокойное, сознательное отношеніе къ важнѣйшему дѣлу выбора достойнаго человѣка.

Вотъ эта-то необходимость приданія новому аппарату возможно большей устойчивости въ его политикѣ, исключающей всякія колебанія, и побуждаетъ къ устраненію системы одновременнаго обновленія всего личнаго состава Государевой Думы.

Необходимость политической преемственности, какъ и устойчивости правительственной программы, останавливаетъ на мысли объ установленіи частичнаго обновленія Государевой Думы черезъ каждыіи годъ въ порядкѣ заранѣе установленныхъ очередей.

Только при установлении такого порядка, собраніе выборныхъ можетъ пріобрѣсти постоянный, вполне опредѣленный политическій обликъ, исключаящій возможность всякаго политическаго оппортунизма и тѣмъ болѣе авантюризма.

Устойчивая твердость и преемственная опредѣленность политическихъ воззрѣній и программъ выборнаго собранія отразится конечно и на Государственномъ Совѣтѣ и на единеніи мысли Царской съ мыслью народной.

Очевидно, не будетъ мѣста періодамъ напряженнаго прогресса, какъ и періодамъ его устранения.

Безъ прыжковъ и остановокъ страна будетъ подыматься вѣрнымъ, твердымъ, соразмѣреннымъ шагомъ на высоту культурнаго развитія и возрожденія.

Въ Западной Европѣ, гдѣ принципъ народовластія выражается волею парламентскаго большинства, къ Монарху восходятъ только мнѣнія властнаго большинства представительныхъ собраній, такъ какъ мнѣніе меньшинства не имѣетъ никакого практическаго значенія или интереса.

Въ Россіи же, въ странѣ Царскаго Самодержавія, законъ опредѣляется и выражается только свободною волею Государя, всѣ же учрежденія, этою же волею призванныя къ разработкѣ и обсужденію законовъ, имѣютъ своею задачей лишь облегченіе Монарху опредѣлить необходимость и сущность новаго закона. На собраніи выборныхъ будетъ лежать обязанность освѣщать дѣла съ точки зрѣнія практическихъ жизненныхъ интересовъ, на Государственномъ же Совѣтѣ—со стороны государственныхъ интересовъ. Изъ этого логически вытекаетъ, что на благовоззрѣніе Монарха должны восходить всѣ мнѣнія, высказанныя въ обоихъ собраніяхъ совершенно безотносительно къ числу лицъ, ихъ высказывавшихъ, для того, чтобы изъ этихъ мнѣній Царь могъ выбрать то, которое, по его убѣжденію, наиболѣе отвѣчаетъ народнымъ и государственнымъ пользамъ.

Эта-то особенность есть наибольшая гарантія добросо-

вѣстности и искренности работъ обѣихъ коллегій, такъ какъ исключаетъ всякіе соглашенія и компромиссы между коллегіями или членами оныхъ, обычные въ конституціонныхъ государствахъ. Только при такомъ порядкѣ каждое дѣло можетъ быть полно и всесторонне освѣщено. Само собою разумѣется, что законопроектами, отвергнутыми большинствомъ мнѣній Государевой Думы и Государственнаго Совѣта, не слѣдуетъ утруждать Монарха, и такіе законопроекты нужно возвращать министрамъ.

Самая подача мнѣній должна производиться не всею смѣшанною коллегією выборныхъ, а соотвѣтственно избирательнымъ группамъ. Только при такомъ способѣ подачи мнѣній каждая группа интересовъ будетъ гарантирована, что передъ Царемъ интересы ея не будутъ подавлены другими. Предъ Государемъ каждое дѣло предстанетъ въ полномъ и законченномъ освѣщеніи.

Предполагая созданіе выборной организаціи исполнѣ плано-мѣрнымъ и цѣлесообразнымъ, а вылившееся изъ нея собраніе выборныхъ воплѣтъ отвѣчающимъ государственнымъ задачамъ, позволительно однако думать, что основная цѣль, т.-е. единеніе мысли Царской съ мыслью народной, не будетъ осуществлена, если обязанность выборныхъ ограничится только разработкою, точнѣе переработкою, законопроектовъ, предлагаемыхъ и возбуждаемыхъ тою же нашею европействующею бюрократією.

Если важно правильно и полно разработать тотъ или другой законъ или его отвергнуть, то еще важнѣе опредѣлить потребность въ новомъ законѣ, моментъ его изданія и самый внутренній смыслъ закона. Важно, чтобы инициатива изданія или измѣненія закона принадлежала не только бюрократіи, но и собранію выборныхъ людей. Важно, чтобы на Государевой Думѣ лежала обязанность вѣрноподданческаго представленія Верховной власти о необходимости или пользѣ изданія новаго закона или осуществленія того или иного мѣропріятія. Нынѣ это важнѣйшее дѣло лежитъ лишь на западничающей бю-

рократіи нашей и на ея органахъ — министрахъ, и въ этомъ то существо вреда, ею приносимаго. Пусть въ отношеніи проектированія новыхъ законовъ, на ней и останется эта нынѣшняя ея обязанность; не отвѣчающій жизненнымъ потребностямъ ошибочный проэктъ получить въ средѣ выборныхъ людей соответствующее освѣщеніе передъ представленіемъ Верховной власти.

Но та же обязанность и въ томъ же объемѣ должна быть возложена и на собраніе выборныхъ людей, въ этомъ глубокой смыслъ и значеніе учрежденія этого собранія. При отсутствіи этого немыслимо единеніе Царя съ народомъ чрезъ его выборныхъ. Да бесполезно и безцѣльно самое единеніе, смыслъ котораго и заключается въ общеніи съ Верховной властью для постоянного безпрепятственнаго сообщенія ей о пользахъ и нуждахъ народныхъ, могущихъ быть удовлетворенными закономъ или распоряженіемъ властей.

Право ходатайства собранія выборныхъ передъ Верховной властью объ изданіи новаго закона или измѣненіи существующихъ важно всегда для непрерывнаго согласованія законовъ съ измѣняющимися условіями жизни; но особенно важно въ первые годы существованія собранія выборныхъ. Ему предстоитъ прежде всего пересмотръ старыхъ законовъ, особливо же изданныхъ въ послѣднее время напряженнаго и нервнаго подражанія Западу.

Для примѣра укажемъ новое уголовное уложеніе и гражданскій кодексъ. Это вѣдь гордость юристовъ, послѣднее слово юридической науки, до котораго не доросла даже еще западная Европа, а для Россіи это нѣчто ужасное. Никогда еще формула *Fiat justitia, pereant mundi* не находила себѣ столь яркаго выраженія. Какъ это, такъ и многое, нынѣ вырабатываемое разными министерствами и совѣщаніями, потребуетъ пересмотра и согласованія съ условіями жизни живыхъ людей, а не фантастическихъ существъ, въ которыхъ еще не преобразовались даже западные европейцы. Только при такомъ правѣ ходатайства пе-

редь Верховной властью правительственная созидательная политика и может превратиться въ національно-творческую изъ европейско-подражательной.

Безъ такого права ничего не перемѣнится; жизнь будутъ продолжать нормировать мертвымъ бюрократизмомъ канцелярщины, а не живую струю изъ дѣйствительной жизни. Безъ такого права собраніе выборныхъ неминуемо превратится въ мало полезную канцелярію, критикующую чужія мысли. Нужно, непременно нужно, чтобы на Государевой Думѣ лежала, какъ и на министрахъ, обязанность представлять на благовоззрѣніе Монарха свои собственные, отъ народа исходящія творческія мысли. Въ этомъ собственно и будетъ отличіе новаго, историческаго, назовемъ Николаевского, періода отъ Петровскаго, отличіе періода творчества національнаго генія отъ подражательнаго европейско-бюрократическаго.

Обширность Россіи и вытекающая изъ этого огромность и громадность правительственнаго аппарата дѣлаетъ чрезвычайно сложнымъ руководство имъ и надзоръ за правильной дѣятельностью всѣхъ частей этого аппарата. Объять, охватить все однимъ взоромъ, одной мыслью—задача недоступная для одного человѣка—Царя, безъ помощи другихъ.

Еще въ періодъ небольшого Московскаго государства Петръ I уже сознавалъ и чувствовалъ свое безсиліе предъ всеобъемлющей задачей правленія и для облегченія себѣ этой задачи создалъ Правительствующій Сенатъ. По мѣрѣ расширенія задачъ правленія, его преемники пополняли правящій аппаратъ дополнительными механизмами—Государственный Совѣтъ, Министерства, Совѣтъ и Комитетъ министровъ, умалившими роль и значеніе Правительствующаго Сената. Все нами нынѣ переживаемое свидѣтельствуется однако съ неотразимой логикой и ясностью, что все это не то, что нужно. Нужно единеніе мысли Царской съ мыслью народной, а теперешній правительственный аппаратъ съ дополнительными механизмами служилъ только разъединенію Царя съ народомъ. Нужно освѣщать пути Царскіе на-

роднымъ творческимъ геніемъ, а аппаратъ затемняетъ ихъ бюрократическимъ усмотрѣніемъ, подражаніемъ Западу. Очевидно, Царю нужны *другіе* сотрудники, отвѣтственные передъ нимъ и населеніемъ. Вопросъ лишь въ томъ, кто должны быть эти другіе? Естественные помощники Царя и въ этомъ отношеніи, конечно, тѣ же, чьи интересы и цѣли совпадаютъ съ цѣлями Царя, т.-е. его народъ или все тѣ же выборные, излюбленные имъ люди. Поэтому очевидно на собраніи выборныхъ должна лежать важная и отвѣтственная обязанность доведенія до свѣдѣнія Царя о всѣхъ не порядкахъ и не устроившихъ въ странѣ или въ управленіи ею. Не какъ обязанность, но какъ право нынѣ оно принадлежитъ дворянскимъ собраніямъ, а Высочайшимъ указомъ, 18 февраля Правительствующему Сенату даннымъ, право это даровано всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ. Поэтому естественно, эта обязанность какъ право должна быть распространена и на выборныхъ отъ населенія. Но для того, чтобы Верховная власть не была утруждаема заявленіями неосновательными, касающимися злоупотребленія властью, превышенія власти, ея бездѣйствія или злоупотребленія довѣріемъ Государя со стороны какихъ-либо органовъ управленія, всѣ возникающія въ собраніи дѣла этого рода очевидно должны проходить чрезъ какой-либо фильтръ. Для этого заявленіе должно подлежать предварительной провѣркѣ и оцѣнкѣ собранія выборныхъ, а для разъясненія нѣтъ очевидно иного пути, какъ обращеніе съ вопросами къ подлежащему министру. Только послѣ разъясненія министра, собраніе выборныхъ, взвѣсивъ основательность заявленія, обязано чрезъ Государственный Совѣтъ повергать на Высочайшее благовозрѣніе свои заключенія, если признаетъ необходимымъ и полезнымъ утруждать Государя своимъ обращеніемъ.

Такой порядокъ сдѣлаетъ Монарха вполне освѣдомленнымъ о всемъ происходящемъ въ его странѣ, при чемъ самые факты предстанутъ предъ Государемъ въ полномъ и разностороннемъ освѣщеніи.

Тѣ же интересы полнаго освѣщенія всего происходящаго въ странѣ передъ Государемъ приводятъ къ мысли о возложеніи на то же собраніе выборныхъ обязанности по изслѣдованію правильности расходованія суммъ соотвѣтственно волѣ Государя, выраженной въ утвержденномъ Имъ государственномъ бюджетѣ. Нынѣ это задача Государственного Контроля, провѣряющаго эту правильность съ чисто формальной стороны.

Возложеніе же на собраніе выборныхъ такой обязанности, предоставляя Государю лишь большія удобства надзора за управленіемъ, не нарушая ничьихъ правъ, въ то же время въ высокой степени будетъ способствовать укрѣпленію въ народномъ сознаніи законности дѣйствій правительства, въ отношеніи расходованія собранныхъ съ народа денегъ соотвѣтственно волѣ Государя, чрезъ что укрѣплялось бы само правительство въ томъ же народномъ сознаніи. Полная неосвѣдомленность населенія въ этой области, при наличіи тягостныхъ налоговъ, даетъ самый широкій просторъ для всякихъ злонамѣренныхъ толкованій, за счетъ авторитета правительства.

Обревизованіе отчета по выполненію государственнаго бюджета, внеся свѣтъ въ эту область, конечно подниметъ довѣріе населенія къ правительству Самодержца, нынѣ очень колебленному всякими лже-толкованіями. Кромѣ того, и что чрезвычайно важно, въ глазахъ самого Государя дѣйствія его правительства получатъ болѣе полное освѣщеніе, и съ Него самого снимется тягостная, на Немъ лежащая, нравственная отвѣтственность. А все то, что можетъ способствовать поднятію довѣрія къ правительству Самодержавнаго Монарха, все это способствуетъ укрѣпленію и упроченію Самодержавія и поэтому возложеніе на собраніе выборныхъ обязанности по провѣркѣ правильности выполненія государственнаго бюджета вполне необходимо.

Въ той же мѣрѣ и по тѣмъ же соображеніямъ желательно

и необходимо привлеченіе собранія выборныхъ къ обсужденію и самаго государственнаго бюджета.

Въ правильности бюджета, т.-е. въ его соотвѣтствіи потребностямъ государства и средствамъ населенія, заинтересованы Государь и Его народъ, при чемъ Государь съ точки зрѣнія верховнаго блюстителя и охранителя интересовъ народа. Поэтому для Государя прежде всего важно, чтобы Богомъ ввѣренный Ему народъ изъ своего небольшого достатка не платилъ бы ни одной лишней копѣйки на государственные расходы. Въ этомъ отношеніи интересы Царя и народа вполне совпадаютъ и отождествляются. Но размѣры налоговъ опредѣляются размѣрами расходовъ, производимыхъ правительствомъ для пользы и нужды Государства и народа. Поэтому отвѣтственный только передъ Богомъ и своею совѣстью Верховный руководитель народной жизнью и вершитель его историческихъ судебъ—Царь одинаково заинтересованъ въ томъ, чтобы всѣ государственные расходы производились соразмѣрно дѣйствительной необходимости и на предметы и цѣли дѣйствительно необходимые, пользаясь Государства и населенія отвѣчающіе. Кто же какъ не само населеніе чрезъ своихъ выборныхъ, всего правильнѣе можетъ освѣтить Государю эту сторону и сказать, на что именно и въ какихъ расходахъ государство нуждается? Кто же, какъ не выборные, въ этомъ наиболѣе компетентные судьи, кто же, какъ не то же населеніе, всего полнѣе можетъ свидѣтельствовать передъ своимъ Государемъ и то, съ кого, въ какой формѣ и сколько можетъ быть взято налогами на государственныя потребности. Поэтому возложеніе на собраніе выборныхъ отъ населенія обязанности на-ряду съ Государственнымъ Совѣтомъ участвовать въ выработкѣ государственнаго бюджета можетъ-быть стѣсняло бы бюрократію, Государю же дастъ могучее средство для огражденія Его народа отъ излишнихъ налоговъ и для сужденія о пользѣ, необходимости и производительности расходовъ, предположенныхъ чиновниками.

Работы выборнаго собранія въ этихъ областяхъ, установленія государственнаго бюджета и ревизіи по его выполнению, пропущенныя чрезъ Государственный Совѣтъ, составленный изъ людей, умудренныхъ опытностью управленія, дадутъ Монарху вполнѣ освѣщенную картину государственныхъ расходовъ и налоговъ. Опредѣленіе таковыхъ, на полныхъ, провѣренныхъ и всесторонне освѣщенныхъ данныхъ, сдѣлаетъ Монарху задачу опредѣленія государственныхъ расходовъ и доходовъ гораздо болѣе легкой, чѣмъ она теперь. Нынѣ при опредѣленіи государственнаго бюджета по основаніямъ, представляемымъ отчужденною отъ народа бюрократіею, въ Монархѣ не могутъ не возникать сомнѣнія и колебанія въ правильности опредѣленія, дѣлаемаго Самодержцемъ только на основѣ данныхъ, представляемыхъ отдаленною и отчужденною отъ огромной страны бюрократіею. Какъ только данныя, представляемая бюрократіею, пройдутъ сквозь двѣ призмы,—собраніе выборныхъ и Государственный Совѣтъ, такъ съ этимъ вмѣстѣ задача опредѣленія бюджета сдѣлается легкой. Разумъ и совѣсть Царя и его народа будутъ покойны. Отпадутъ и всѣ поводы ко всякимъ злонамѣреннымъ толкамъ и обвиненіямъ, нынѣ обильно расточаемымъ людьми всѣхъ направленій по адресу правительства. Отпадетъ важнѣйшій поводъ къ недовѣрію и неудовольствію на правительство. Отвѣтственность съ него, съ бюрократическаго правительства, въ нѣкоторой своей части перенесется на выборныхъ. Правительство станетъ въ глазахъ населенія авторитетнѣе, съ большимъ довѣріемъ будетъ къ нему относиться и страна. А съ тѣмъ вмѣстѣ утвердится, укрѣпится Самодержавіе. Еще разъ повторяемъ, что созывъ выборныхъ „для совмѣстной съ правительствомъ работы на благо Россіи“ не можетъ и не долженъ приводить къ малѣйшему умаленію, а тѣмъ болѣе ограниченію Самодержавія. Задача — укрѣпить Самодержавіе освѣщеніемъ его путей выборными отъ населенія.

Выработка же бюджета государственныхъ расходовъ и до-

ходовъ и провѣрка производства таковыхъ Государевою Думою есть могущественнѣйшее средство освѣщенія путей Царскихъ.

При такихъ заданіяхъ очевидно не можетъ быть мѣста чему-либо похожему на существующую въ Западной Европѣ конституціонную отвѣтственность министровъ передъ собраніемъ выборныхъ. Въ Самодержавной странѣ министры назначаются по соизволенію Монарха, и изъ обязанности ихъ давать объясненія въ собраніи и изъ обязанности собранія выборныхъ повергать на судъ и благовозрѣніе Монарха заключенія собранія, по смѣ объясненіямъ, логически вытекаетъ, что министры отвѣтственны только передъ Монархомъ.

По существующимъ повсюду обычаямъ и порядкамъ, работы высшихъ правительственныхъ коллегій восходятъ къ Монарху въ письменномъ изложеніи, безъ какихъ-либо устныхъ докладовъ предсѣдателей или государственнаго секретаря; иногда они, какъ и министры, призываются для представленія дополнительныхъ свѣдѣній по журналамъ или меморіямъ, Государю представленнымъ.

Въ такихъ случаяхъ, въ видахъ устраненія односторонняго освѣщенія, казалось бы было полезно заимствовать изъ законоположеній о дворянскихъ собраніяхъ одно положеніе, незамѣнимое по своему удобству и цѣлесообразности. По закону, если дворянское собраніе повергаетъ предъ Государемъ всеподданнѣйшее прошеніе или адресъ, то одновременно оно обязано избрать изъ среды своей депутацію для представленія объясненій, если таковыя потребуются. Казалось бы, было основательно возложить на Государственный Совѣтъ и на Государеву Думу, при постановленіи своихъ мнѣній, каждый разъ избирать изъ своей среды уполномоченныхъ отъ группъ, выразившихъ согласныя мнѣнія, на случай, если бы Государю угодно было выслушать словесный докладъ. При такомъ порядкѣ Государь

знакомился бы ближе съ мнѣніями большинства и меньшинства. При законосовѣщательномъ учрежденіи, когда для Монарха мнѣніе большинства не обязательно, такой порядокъ вполнѣ необходимъ.

Характеръ несенія Государевой службы выборными, составляющими Государеву Думу, разрѣшаетъ и вопросъ о способѣ назначенія предсѣдателя собранія выборныхъ. Таковой очевидно долженъ быть назначаемъ Высочайшею властью изъ нѣсколькихъ кандидатовъ, отъ 3—5, предложенныхъ собраніемъ выборныхъ. Тѣмъ же порядкомъ должны быть назначаемы и товарищи предсѣдателя.

Разсматривая какъ повинность населенія обязанность выставлять изъ себя выборныхъ для несенія новой Государевой службы, а самую службу выборныхъ тоже какъ обязанность, естественно придти къ заключенію, что на томъ же населеніи должна лежать обязанность возмѣщенія расходовъ выборныхъ по несенію службы. Если можно, какъ отъ предводителей дворянства, получать безвозмездную службу на мѣстахъ, то едва ли справедливо требовать отъ выборныхъ кромѣ труда еще расходовъ въ столицѣ. Таковые очевидно должны быть возмѣщены въ размѣрѣ дѣйствительныхъ суточныхъ расходовъ на жизнь въ столицѣ и проѣздъ. Будутъ ли эти расходы возложены на казну или избирателей—это не имѣетъ существеннаго для дѣла значенія. При возложеніи таковыхъ на избирателей, а не на казну, можно полагать, что таковые будутъ назначены болѣе правильно и соразмѣрно. На казну могъ бы быть отнесенъ бесплатный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ. Едва ли слѣдуетъ упоминать о томъ, что выборный, пользуясь правами государственной службы и неприкосновенности личности и безотвѣтственностью за сужденія, высказываемыя въ засѣданіяхъ Государевой Думы, въ то же время внѣ засѣданій не пользуется по сравненію съ другими должностными лицами

никакими особливими правами и преимуществами и за неслужебныя дѣйствія свои отвѣтственень наравнѣ со всѣми.

Въ заключеніе въ интересахъ дѣла намъ приходится коснуться одного очень деликатнаго вопроса о мѣрахъ приданія большей дѣловитости занятіямъ Государевой Думы и устранения парламентскаго краснбайства и пустословія, склонность къ которымъ давно уже проявляютъ наши земскія собранія, особенно губернскія. Еще покойный кн. А. Н. Васильчиковъ проэктировалъ мѣры противъ этого зла. Въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ разсуждаютъ, говорятъ, но рѣчей не произносятъ, ибо гласнымъ онѣ не интересны, а публики почти нѣтъ. Тѣ же гласные, попавъ въ губернскія земскія собранія, становятся страшно тароваты на цвѣгы краснорѣчія и только потому, что тамъ публика, корреспонденты, а отсюда не только краснбайство, но и исканіе популярности и заискиваніе симпатій этой публики и газетъ. А это не только потеря времени, но и большой ущербъ дѣлу и истинѣ. Это обстоятельство побуждаетъ высказаться противъ публичности засѣданій Думы. Въ удовлетвореніе справедливаго интереса избирателей, имъ слѣдуетъ дать возможность знакомиться съ дѣятельностью ихъ выборныхъ въ сжатомъ изложеніи оглашаемыхъ журналовъ засѣданій Государевой Думы, а не по тенденціознымъ и искаженнымъ сообщеніямъ газетъ. Эта непубличность засѣданій всего болѣе обезпечитъ дѣловитость занятій Думы. Знаемъ, что противъ этого будутъ всѣ наши европейсты и газеты, но для страны важны не ихъ симпатіи, а дѣловитость занятій выборныхъ. Въ особенности это важно на первые годы, пока выработаются обычаи, создадутся традиціи. Именно въ началѣ необходимо, чтобы выборные были свободны отъ давленія улицы.

Съ такимъ обликомъ и обязанностями по несенію повинностной Государевой службы рисуется намъ въ нашемъ представленіи будущее собраніе выборныхъ—Государевой Думы.

Но осуществленіе такого собранія выборныхъ и съ функціями, нами намѣченными, возможно и осуществимо лишь при построеніи избирательной организаціи по схемѣ и основаніямъ, нами очерченнымъ.

Поэтому всемѣрные заботы сторонниковъ Самодержавія съ совѣщательнымъ собраніемъ выборныхъ при немъ должны быть нынѣ направлены къ выполненію плана, нами въ основныхъ контурахъ набросаннаго. Иного плана, столь же вѣрно ведущаго къ цѣли, мы не знаемъ, и повторяемъ, что другіе, доселѣ предложенные, ведутъ къ цѣли какъ разъ обратной, не къ укрѣпленію Самодержавія, не къ единенію Царя съ народомъ, не къ возрожденію созидательной дѣятельности національнаго творческаго генія, а къ продолженію того же подражанія Западу, къ господству западнаго творческаго генія, приведшаго Европу къ конституціонному режиму, съ тираніей парламентскаго большинства, подчиненнаго еврейству.